

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

CRIMINOLOGY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Журнал Санкт-Петербургского международного
криминологического клуба

The journal of St. Petersburg International
Criminology Club

2018

1

2

3

4

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Журнал Санкт-Петербургского
международного криминологического клуба
№ 2 (49), 2018**

Санкт-Петербург
2018

ББК 67
УДК 343
К 82

Учредитель

НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб»

Издатель

Редакция журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра»

Главный редактор

Данилов Андрей Петрович

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Заместители главного редактора

Дикаев Салман Умарович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Миненок Михаил Григорьевич

доктор юридических наук, профессор (Калининград, Россия)

Поклад Василий Иванович

кандидат философских наук, доцент (Луганск, Украина)

Сморгунова Валентина Юрьевна

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Тугельбаева Бермета Галиевна

кандидат технических наук, доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Киргизская Республика)

Редакционная коллегия

Алауханов Есберген Оразович

доктор юридических наук, профессор (Алматы, Республика Казахстан)

Алиев Назим Талат оглы

доктор философии по праву, доцент (Баку, Азербайджанская Республика)

Арнольд Йорг

доктор права, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Гондолф Эдвард

доктор психологии, профессор (Индиана, Соединённые Штаты Америки)

Горшенков Геннадий Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Кабанов Павел Александрович

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Корецкий Данил Аркадьевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Россия)

Кури Хельмут

доктор психологии, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Лепс Андо

доктор юридических наук, профессор (Таллин, Эстонская Республика)

Лунеев Виктор Васильевич

доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва, Россия)

Милюков Сергей Фёдорович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Сессар Клаус

доктор права, профессор (Гамбург, Федеративная Республика Германия)

Шестаков Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Корректор

Кононова Валентина Николаевна (Санкт-Петербург, Россия)

Переводчик

Дикаева Милана Салмановна

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. 2018. № 2 (49). 80 с.

Журнал выходит с марта 2001 года. Первоначальное название – «Криминология в развитии. Вестник Санкт-Петербургского криминологического клуба. Научно-теоретический журнал». Освещает общую криминологическую теорию, криминологические отрасли, частные криминологические проблемы, а также деятельность Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Поддерживает теоретические положения невшко-волжской научной школы криминологии.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб.
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, юридический факультет.
Телефон: (812) 312–42–07, доб. 224
Факс: (812) 312–99–10
E-mail: criminology_club@mail.ru

Журнал зарегистрирован в качестве СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-40137 от 04.06.2010 г.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте издания:
<http://criminologyclub.ru>

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» – 11285

Тираж 1050 экземпляров

ISSN 2218-8576

RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY
OF A.I. HERZEN

SAINT-PETERSBURG
INTERNATIONAL
CRIMINOLOGY CLUB

**CRIMINOLOGY:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**

**The journal of Saint-Petersburg
International Criminology Club
no. 2 (49), 2018**

St. Petersburg
2018

ББК 67
УДК 343
К 82

The founder

Non-commercial partnership «The Saint-Petersburg International Criminology Club»

The editor

The editorial staff «Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow»

Editor-in-chief

Danilov Andrey Petrovich

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Deputy editors

Dikaev Salman Umarovich

Doctor of Laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Minenok Mikhail Grigorevich

Doctor of Laws, professor (Kaliningrad, Russia)

Poklad Vasily Ivanovich

PhD, associate professor (Lugansk, Ukraine)

Smorgunova Valentina Yuryevna

Doctor of Philosophy, professor, the Honored science worker of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)

Tugelbaeva Bermeta Galievna

PhD in technical sciences, Doctor of Laws, professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Editorial board

Alaukhanov Esbergen Orazovich

Doctor of Laws, professor (Almaty, Kazakhstan)

Aliev Nazim Talat ogly

Doctor of Philosophy in Law, associate professor (Baku, the Republic of Azerbaijan)

Arnold Jorg

Doctor of Laws, professor (Freiburg, Germany)

Gondolf Edward

Doctor of Psychology, professor (Indiana, the USA)

Gorshenkov Gennady Nikolaevich

Doctor of Laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Kabanov Pavel Aleksandrovich

Doctor of Laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Koretskiy Danil Arkadievich

Doctor of Laws, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
(Rostov-on-Don, Russia)

Kury Helmut

Doctor of Psychology, professor (Freiburg, Germany)

Leps Ando

Doctor of Laws, professor (Tallinn, Estonia)

Lunev Victor Vasilevich

Doctor of Laws, professor, Laureate of the Russian National Award,
the Honored science worker of Russia (Moscow, Russia)

Milyukov Sergey Fyodorovich

Doctor of Laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Sessar Klaus

Doctor of Laws, professor (Hamburg, Germany)

Shestakov Dmitry Anatolyevich

Doctor of Laws, professor, the Honored science worker of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)

Proof-reader

Kononova Valentina Nikolaevna (Saint-Petersburg, Russia)

Translator

Dikaeva Milana Salmanovna

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. The journal of St. Petersburg International Criminology Club. 2018. no. 2 (49). 80 p.

The journal has been published since March 2001. The original name was «Criminology in Development: Bulletin of St. Petersburg Criminology Club. Theoretical Journal». The publication covers the general criminological theory, peculiar criminological issues, criminological branches and activities of the St. Petersburg International Criminology Club, and supports the theoretical approach of Neva-Volga Research School of Criminology.

Address of editor's office:

St. Petersburg International Criminology Club
Nab. Moyki 48 The Herzen State Pedagogical University of Russia, Law Faculty
191186 St. Petersburg Russia
Phone: (812) 312-42-07, additional 224
Fax: (812) 312-99-10
E-mail: criminology_club@mail.ru

The journal is registered as mass media in the Federal Control Service in the sphere of communication and information technologies. The registration certificate is ПИ № ФС 77-40137 as of 04.06.2010.

The journal is presented in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal has a full electronic version on the site of the journal <http://criminologyclub.ru>

The subscription index in the unified catalogue «Press of Russia» – 11285

The circulation 1050 copies

ISSN 2218-8576

© St. Petersburg International Criminology Club, 2018

© The Herzen State Pedagogical University of Russia, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ СФЕРЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Материалы международной беседы

«Преступность миграционных процессов»

от 25 мая 2018 года

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия).

Преступность сферы миграции 13

С.Ф. Милюков (Санкт-Петербург, Россия).

Миграционная составляющая современной преступности 19

С.М. Иншаков (Москва, Россия).

Стратегемы миграционной безопасности 24

П.А. Кабанов (Набережные Челны, Россия).

Криминальная виктимность мигрантов

в современном российском обществе:

краткий обзор официальной статистики за 2014–2017 годы 28

В.Н. Фадеев (Москва, Россия).

Радикальный исламизм и миграционные процессы 32

В.С. Харламов (Санкт-Петербург, Россия).

Преступное насилие в семьях мигрантов 35

А.П. Данилов (Санкт-Петербург, Россия).

Преступное глобальное управление переселением народов 38

СЕМЕЙНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Э. Гондолф (Индиана, США).

Реабилитационные программы

при внутрисемейных преступлениях:

изучение взглядов руководителей программ

на используемые программные подходы

и связанные с ними вопросы 41

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Д.А. Назаренко (Калининград, Россия).

Некоторые аспекты противодействия терроризму

в современном мире 49

Д.М. Гаджиев (Махачкала, Россия).

О некоторых региональных факторах,

ослабляющих суверенитет государства 53

ПЕНОЛОГИЯ

<i>Л.Б. Смирнов</i> (Санкт-Петербург, Россия). Особенности пенитенциарной субкультуры	57
--	----

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

<i>В.С. Харламов</i> (Санкт-Петербург, Россия). Криминофамилистические конструкции в рамках законодательства о противодействии преступности	62
---	----

2. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

Сергею Михайловичу Иншакову – 60 лет!	65
---	----

Леониду Борисовичу Смирнову – 60 лет!	67
---	----

К нашим авторам	69
----------------------------------	----

Криминологические издания	73
--	----

CONTENTS

1. CRIMINOLOGICAL BRANCHES

CRIMINOLOGY OF THE MIGRATION OF PEOPLES

*Materials of the international seminar
«Crime of migration processes»
as of May 25, 2018*

- D.A. Shestakov* (St. Petersburg, Russia).
Crime of the sphere of migration 13
- S.F. Milyukov* (St. Petersburg, Russia).
Migration component of contemporary crime 19
- S.M. Inshakov* (Moscow, Russia).
Strategies of migration security 24
- P.A. Kabanov* (Naberezhnye Chelny, Russia).
Criminal victimity of migrants
in the modern Russian society:
brief overview of official statistics for 2014–2017 28
- V.N. Fadeev* (Moscow, Russia).
Radical islamism and migration processes 32
- V.S. Kharlamov* (St. Petersburg, Russia).
Criminal violence in migrant families 35
- A.P. Danilov* (St. Petersburg, Russia).
Criminal global management of resettlement of peoples. 38

FAMILY CRIMINOLOGY

- E. Gondolf* (Indiana, the USA).
Rehabilitation programs for family crime:
a study of program leaders' perspectives
on program approach and related issues 41

POLITICAL CRIMINOLOGY

- D.A. Nazarenko* (Kaliningrad, Russia).
Some aspects of counter-terrorism in the contemporary world 49
- D.M. Gadzhiev* (Makhachkala, Russia).
On some regional factors affecting the sovereignty of the state 53

PENOLOGY

- L.B. Smirnov* (St. Petersburg, Russia).
Features of the penitentiary subculture 57

CRIMINOLOGY OF LAW

V.S. Kharlamov (St. Petersburg, Russia).

Criminofamilistic structures
in the framework of legislation on counteracting crime 62

2. JUBILEE GREETINGS

Sergey Mikhailovich Inshakov – the 60th anniversary! 65

Leonid Borisovich Smirnov – the 60th anniversary! 67

To our authors. 69

Criminological editions 73

1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ СФЕРЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

*Материалы международной беседы
«Преступность миграционных процессов»
от 25 мая 2018 года*

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков

ПРЕСТУПНОСТЬ СФЕРЫ МИГРАЦИИ

Аннотация: ГОВ (глобальная олигархическая власть), по-видимому, использует социальную группу переселенцев для сохранения своего мирового господства, в частности, через поддержку террористической и экстремистской деятельности. Нельзя отрывать преступноведческий вопрос о переселенцах от общего учения о преступности: от её многоуровневого строения (воронка преступности). В России влиятельный слой воробогачей («олигархов») поддерживает приток переселенцев как дешёвую рабочую силу. Вопрос о переселенцах – составная часть проблемы чужан, отражающей взаимоотношения двух разновидностей жителей страны, одни из которых относятся к ней, как к отечеству, другие – как к чужбине. Требуется восстановить показатель национальности в статистическом учёте лиц, совершивших преступление, а также потерпевших. Разработать методику определения критического числа переселенцев и законодательно запретить превышение этого числа. Необходимы пророссийская здоровая оппозиция, выдвижение сильных приемников нынешнего руководства страны. Возможно, понадобятся как фронтальные, так и некие точечные противопреступные меры в отношении ГОВ и отдельных её представителей. России надлежит поддерживать своих граждан, невольно оказавшихся (как в Прибалтике) жителями другой страны, способствовать получению образования их детьми на родном языке.

Ключевые слова: ГОВ (глобальная олигархическая власть); общее учение о преступности; воронка преступности; воробогач; чужанин; переселенец; национальность; критическое число переселенцев.

D.A. Shestakov

CRIME OF THE SPHERE OF MIGRATION

Summary: The global oligarchic power, apparently, uses the social group of migrants to preserve its world domination, in particular through support of terrorist and extremist activities. Criminological issue of migrants should not be separated from the general doctrine of crime: from its multi-level structure (funnel of crime). In Russia, the influential group of the vorobogachy («oligarchs») supports the inflow of migrants as a cheap labor force. The issue of migrants is an integral part of the problem of foreigners, which reflects the relationship between the two varieties of the inhabitants of the country, some of whom refer to it as a homeland, others as a foreign country. It is necessary to restore the indicator of nationality in the statistical records of the persons who committed a crime, as well as of the victims. It is also necessary to develop a methodology for determining the critical number of migrants and legislatively prohibit the excess of this number. We need a pro-Russian healthy opposition, the nomination of strong successors to the current leadership of the country. Perhaps, it will be necessary to use both frontal and some point counter-measures against the global oligarchy and its individual representatives. Russia should support its citizens, who unwittingly became the inhabitants of another country (as in the Baltic States), and should promote the education of their children in their native language.

Key words: global oligarchic power; general doctrine of crime; funnel of crime; vorobogach; stranger; migrant; nationality; the critical number of migrants.

Оседлые и неоседлые чужане в свете преступноведения. Постановка в преступноведении вопроса о переселенцах (мигрантах) является составной частью про-

блематики чужан.¹ Наименование «чужанин» охватывает недавно прибывших на местность,

¹ *Чужанин*, в просторечии «чужак» – человек, ощущающий и ведущий себя по отношению к обществу, в котором живёт, как посторонний, инородный, зачастую недоброжелательно. (Прим. автора).

несколько поколений появившихся давно, но не ставших своими, однако, оно включает в себя также и являющихся гражданами страны космополитов, которые, ненавидя её, намеренно способствуют её разрушению. Это понятие позволяет охватить достаточно широкий круг преступностиведчески значимых проблем, вытекающих из взаимоотношений жителей страны, одни из которых относятся к ней, как к отечеству, другие – как к чужбине.

Заслуживает внимания также слово «иноходец», употребляемое А.П. Даниловым. Данный термин удачно соотносится с понятием «родолюбие», введённым в оборот политического преступностиведения этим автором. «Родолюбие – осознание принадлежности к своему народу, его культуре, земле и ос-

нованное на нём глубокое уважение и почитание родителей, народа, Родины. Понятие «родолюбие» может стать заменой терминам, не имеющим отношения к исконной русской культуре, «национализму», уже достаточно дискредитированному, и «патриотизму». Родолюбие по своей духовной, моральной, нравственной, социальной сущности является антикриминогенным фактором» [3, с. 32].

В соответствии с концепцией многоуровневого строения преступности (воронка преступности) [9] возникает задача определить долю и роль чужан, применительно ко всем девяти уровням (слоям) преступности – от обыденного до планетарного «олигархического» (см. схему). Данную головоломку не решишь в один приём, потребуется некоторое время.

Рисунок 1. Девять уровней (воронка) преступности

Переселенцы – это та часть чужан, которые сравнительно недавно приехали для временного или постоянного проживания в страну. Здесь речь пойдёт в основном о «трудовых переселенцах», которые приезжают в Россию на заработки, а не о вернувшихся на историческую родину соотечественниках (репатриационная модель миграции).

О переселенцах в общем. Приток переселенцев в целом играет положительную роль, если они благотворно приживаются к обществу, дополняют его особенностями культуры собственного народа и не создают угрозы среде, к которой присоединяются. В качестве

положительного примера можно привести переселение к нам в Россию немцев в конце XVII – начале XVIII веков, многие из которых весьма благотворно здесь трудились на пользу великой страны. Из истории моей семьи мне известно, сколь добросовестна и порой самоотверженна была в России научная (математик Леонард Эйлер), а также военная (барон Иван Иванович Меллер-Закомельский, его сын Карл Иванович и др.) деятельность некоторых из моих предков – выходцев из Германии.

Приток переселенцев играет для принявшей их страны криминогенную роль, если они не вживаются в общество, а образуют чу-

ждое ему образование. Надо иметь в виду, что среди недавних переселенцев большее число лиц как совершивших преступление, так и потерпевших от преступления, по сравнению с оседлым населением.

В России, по оценкам экспертов, примерно 10 % рабочей силы составляют мигранты. Единновременно в России находится примерно 4 млн трудовых мигрантов. Из них около 95 % – выходцы из СНГ. В 2017 году из стран Содружества их прибыло 3,9 млн человек. Основная часть явилась из Средней Азии, прежде всего, из Узбекистана (1,5 млн человек), Таджикистана (780 тысяч), Киргизии (472 тыс. человек), с Украины и из Армении – примерно по 300 тыс. человек.

Заняты мигранты в строительстве, сфере услуг, обрабатывающих производствах, сельском хозяйстве, оптовой и розничной торговле. В строительной сфере переселенцы представлены в 4,4 раза чаще, чем россияне. Население РФ уменьшается. С начала 1990-х годов депопуляция составила 13 млн человек. Естественная убыль коренного населения на 70 % перекрывается приезжими [4; 7], часть которых оседает в России с многодетными, в отличие от российских, семьями. Иными словами, оседлое население быстрыми темпами разбавляется неважно владеющими русским языком и не включёнными в российскую культуру людьми.

О «вкладе» переселенцев в массу совершаемых в России преступлений. В моей книге «Преступность политики» (2013) [11, с. 115], получившей отклик в немецком преступноведении [1], имеется раздел «Особенности национальной преступности», в котором говорится, что грядущей отрасли этнической криминологии предстоит собрать много нужных обществу сведений о национальных особенностях преступного поведения. Необходимо вооружить этими сведениями общество в целом и сами этносы, которые заинтересованы в уменьшении собственной преступности и соответственно собственной жертвенности (виктимности). Задачей грядущей отрасли в России является антипреступное сплочение народов, восстановление утраченного единства россиян, преодоление искусственно разжигаемой – главным образом из-за рубежа – розни между ними [11, с. 115].

К.В. Кузнецов в ряде субъектов РФ изучил структуру организованной преступной деятельности этнических формирований. Со-

гласно данным его довольно представительного исследования, относящимся к 2010–2016 годам, преобладающими в этой деятельности являются преступления в сфере экономики – 61,05 % от всех совершаемых в составе преступных групп преступлений. Из них 20,52 % – кражи, грабежи и разбойные нападения, 37,84 % – мошенничества, 2,69 % – преступления в сфере экономической деятельности. На втором месте – преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (их удельный вес составляет 20,3 %). Третьими по степени распространённости выступают преступления в сфере компьютерной информации – их доля составляет 6,83 % (участниками организованных этнических преступных формирований совершается 88,2 % всех преступлений в указанной сфере). Удельный вес преступлений против личности, государственной власти и иных преступлений не превышает 11,82 % [5, с. 13–14].

Нежели приведённое тут количественное распределение деятельности переселенцев по разновидностям совершаемых ими преступлений нас, разумеется, гораздо в большей мере заинтересовало бы, *какую часть в общем числе тех или иных видов преступлений составляют преступления переселенцев.* Не менее важно знать *долю переселенцев среди всех лиц, совершающих преступления.* Но получить такие сведения непросто.

Для достоверного отслеживания и исследования «вклада» переселенцев в российскую преступность нужно восстановить показатель национальности в статистическом учёте лиц, совершивших преступление, а также жертв преступления. Потребуется также сбор статистических данных о странах, из которых эти люди прибыли. Теперь появились предложения статистическую карточку на лицо, совершившее преступление (форма № 2), дополнить реквизитом «этническая принадлежность (национальность)».

Для этого потребуются внести изменения в Инструкцию о порядке заполнения и представления учётных документов, утверждённую приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России и ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учёте преступлений» [5, с. 260].

Экономическая сторона вопроса. В России наиболее прибыльная часть экономики управляется нашими воробогачами (нуворишами, «олигархами»), которые заинтересованы в дешёвой рабочей силе переселенцев (7-й уровень *воронки преступности*) [9; 12, с. 402]. Можно сказать, что нувориши больны стяжательством с выраженной корыстной манией. Судьба России им, мягко говоря, безразлична. Ради собственной выгоды они поддерживают сохранение в стране множества недорого оплачиваемых работников, тем более что наличие таковых способствует удержанию в целом зарплаты трудящихся на низком уровне.

Так, Центром стратегических разработок (некоммерческая организация, ключевую роль в которой играет А.Л. Кудрин) подготовлен доклад «Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения», в нём изыскиваются доводы о необходимости дополнительных мер по привлечению мигрантов, приток которых, согласно некоторым прогнозам, после 2024 года может ослабеть. Авторы этого доклада по существу выступают за целенаправленное склонение общественного мнения в пользу сохранения большого числа прибывающих в страну переселенцев, причём предлагается проведение соответствующей «работы» со СМИ [7].

Ю. Алхаз полагает, что экономические последствия миграции не менее опасны, нежели расплзающаяся по стране этническая преступная деятельность «гастарбайтеров» [2]. Иноземцы в России – это не просто разрозненная рабочая сила, они уже объединены в сплочённые кланы, существование которых не может не сопровождаться мздоимными вращаниями («метастазами») в полицию, миграционную службу, исполнительную власть. Возникновение иноземных кланов, вместо естественного взаимопользования вживания приезжих в местное общество, порой превращает их в самодовлеющую вредоносную силу, а в некоторых областях хозяйства, таких как торговля, даже уже в хозяев положения, которые держат его, в том числе не оправданно высокие цены на товары, под своим контролем [2]. (Ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции»).

Противодействие преступлениям, связанным с притоком переселенцев. Х. Кури считает, что для предупреждения преступлений беженцев важно, прежде всего, обеспе-

чить их работой, нормальным жильём, предоставить несовершеннолетним возможность получить школьное образование, предлагать им интеграционные курсы обучения, ускорить принятие решений о статусе их нахождения на территории Германии [6]. И это верно с той лишь оговоркой, что у любой страны не беспредельны возможности по оказанию гостеприимства. Приток в Россию переселенцев должен быть строго ограничен.

Думается, что нужна методика количественно-качественного определения критического, в том числе в свете преступности-ведения, числа переселенцев. Затем следует законодательно установить запрет на превышение этого критического числа. Такая мера требуется не только и не столько для того, чтобы у нас стало меньше преступников и потерпевших, но – что гораздо важнее – для сбережения самобытности России. Хотим ли мы повторения того, что уже происходит в Западной Европе? Ведь в Париже, к примеру, француза теперь днём с фонарём не сыщешь! Город заполнили выходцы из Африки... Не надо забывать, что ослабление самобытности и самодостаточности означает одновременно возрастание нашей уязвимости перед возможной военной агрессией и другими военными преступлениями против нас.

Применительно к верхним шести слоям преступности (см. рис. 1) в России, полагаю, надо преодолеть подход к проблеме переселенцев, основанный исключительно на интересе извлечения прибыли. Существует мнение о необходимости ограничить доступ на российский рынок труда, куда не следует допускать приезжих, не имеющих хотя бы средне-специального образования, полученного на их родине, диплом, который признан Министерством образования РФ [2].

Относительно трёх глубинных уровней преступности: уровней экстремизма и терроризма, внешнегосударственного и глобального олигархического, – нужно иметь в виду то, что в этих слоях ГОВ готова использовать и использует для ослабления российского государства – отчасти через поддержку террористической и экстремистской деятельности – социальную группу переселенцев.

В отношении внешнегосударственного уровня иноземной преступности при Президенте РФ В.В. Путине успешно укрепляется обороноспособность России, заметно раз-

вернулась также информационная защита. Что особенно важно, произошло очищение средств распространения сведений от ГОВ-идеологии,² господствовавшей в 1990-е годы [8; 10, с. 158–165]. Однако имеет место замалчивание оппозиционной активности и репрессивной реакции на неё, нарушается свобода слова.

Путин не боится, конечно, ГОВ-оппозиции: она не имеет успеха у народа, поскольку работает на разрушение страны. Но президент совершенно очевидно опасается здоровой пророссийской оппозиции, которая, одобряя положительные проявления проводимой им политики, вместе с тем недовольна тем, что власть заметно пренебрегает заботой о благосостоянии основной части населения в угоду воробогачам. Между тем, здоровая оппозиция, выдвижение сильных приемников нынешнего руководства – то и другое – необходимо для долгосрочного развития страны. Решение непростых вопросов, касающихся переселенцев вообще и преступности национальных кланов в частности, должно происходить с учётом широкой радуги мнений.

К разработке мер против глобальной олигархической преступности (ГОП) криминоло-

² ГОВ – глобальная олигархическая власть. (Прим. автора).

гия только-только теоретически подступает. Это очень нужная, в то же время сложная, как всё новое, работа, которую надо строить с учётом, помимо прочего, преступного вмешательства в жизнь государств, которое ведётся с использованием потоков переселенцев. Не исключено, что понадобятся как фронтальные, так и некие точечные меры – отчасти экономического характера – в отношении ГОВ и отдельных её представителей. Помешают ли Путину его дружеские узы с внутрироссийским воробогачеством?.. На сей день нет ответа.

Обратим внимание и на очень непростой вопрос о поддержке Родиной тех своих граждан, которые невольно оказались жителями другой страны, скажем, если они в силу изменения государственных границ, например, при распаде СССР, превратились в национальное меньшинство страны другой, как это произошло в Прибалтике. Россия должна сохранять с этими людьми живую связь, заботиться о них, в том числе способствуя получению образования их детьми на родном языке.

Русский мир за границей – значимая составляющая часть российской мощи, противостоящей преступным посягательствам на страну. Недопустимо наших людей за границей обрекать на самовывживание, лишить их чувства Родины.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sigmunt O.: Schestakov, Dimitry.* Kriminalität der Politik. Das Naschdenken eines Kriminologen. St. Petersburg: Alef-Press, 2013, 224 Seiten (in russischer Sprache) // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 2016. Heft 6. S. 494–496.
2. *Алхаз Ю.* Гастарбайтеры убьют Россию в течение 15 лет! URL: <https://echo.msk.ru/blog/jurialhaz/986092-echo/> (дата обращения: 01.06.2018).
3. *Данилов А.П.* Родолюбие и мы // Крымские юридические чтения: материалы международной научно-практической конференции 11 мая 2012 г. / Национальный университет «Одесская юридическая академия». Экономико-правовой факультет в г. Симферополь. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. На украинском и русском языках. С. 28–33.
4. *Деготькова И.* Мигрень от мигрантов // Московский комсомолец. – 2018. – 14 мая.
5. *Кузнецов К.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение организованной этнической преступности. М., 2018. 279 с.
6. *Кури Х.* Интеграция беженцев в Германии – возросла ли криминальная нагрузка? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 37–45.
7. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. URL: <https://www.csr.ru/news/2702/> (дата обращения: 01.06.2018).
8. *Шестаков Д.А.* Массовая дезинформация как объект преступноведческого исследования // Следователь. 2015. № 10 (210). С. 60–64.
9. *Шестаков Д.А.* Обусловленность качества профилактической деятельности милиции // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 2 (11). С. 9–16.
10. *Шестаков Д.А.* От преступной любви до преступного законодательства. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 292 с.

11. Шестаков Д.А. Преступность политики (размышления криминолога). Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013. 224 с.

12. Шестаков Д.А. Теория преступности и отраслевая криминология. Избранное. СПб.: Юридический центр, 2015. 432 с.

REFERENCES

1. Sigmunt O., Schestakov, Dmitry. Kriminalität der Politik. Das Naschdenken eines Kriminologen. St. Petersburg: Alef-Press, 2013, 224 Seiten (in russischer Sprache) // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 2016. Heft 6. S. 494–496.

2. Alkhaz Y. Gastarbaytery ubyut Rossiyu v techenie 15 let! [Labor migrants will kill Russia for 15 years!] URL: <https://echo.msk.ru/blog/jurialhaz/986092-echo/> (date of submission: 01.06.2018).

3. Danilov A.P. Rodolyubie i my. [Rodolyubie and we]. Krymskie yuridicheskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 11 maya 2012 g. Natsionalniy universitet «Odesskaya yuridicheskaya akademiya». Ekonomiko-pravovoy fakultet v g. Simferopol. Simferopol: KRP «Izdatelstvo «Krymchupedgiz», 2012. Na ukrainskom i russkom yazykah. pp. 28–33.

4. Degotkova I. Migren ot migrantov. [Migraine from migrants]. Moskovskiy komsomolets 2018, May 14.

5. Kuznetsov K.V. Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie organizovannoy etnicheskoy prestupnosti. [Criminological characteristics and prevention of organized ethnic crime]. M., 2018, 279 p.

6. Kury H. Integratsiya bezhentsev v Germanii – vozrosla li kriminalnaya nagruzka? [Integration of refugees in Germany – has the criminal burden increased?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 1 (48), pp. 37–45.

7. Migratsionnaya politika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya. [Migration policy: diagnostics, challenges, proposals]. URL: <https://www.csr.ru/news/2702/> (date of submission: 01.06.2018).

8. Shestakov D.A. Massovaya dezinformatsiya kak obyekt prestupnostivedcheskogo issledovaniya. [Mass disinformation as an object of criminological research]. *Sledovatel – Investigator*. 2015, no. 10 (210), pp. 60–64.

9. Shestakov D.A. Obuslovennost kachestva profilakticheskoy deyatel'nosti militsii. [Conditionality of quality in militia prevention activities]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2006, no. 2 (11), pp. 9–16.

10. Shestakov D.A. Ot prestupnoy lyubvi do prestupnogo zakonodatel'stva. [From criminal love to criminal legislation]. SPb.: Izdatelskiy Dom «Alef-Press», 2015, 292 p.

11. Shestakov D.A. Prestupnost politiki (razmyshleniya kriminologa). [Crime of politics (criminologist's thoughts)]. Monografiya. SPb.: Izdatelskiy Dom «Alef-Press», 2013, 224 p.

12. Shestakov D.A. Teoriya prestupnosti i otraslevaya kriminologiya. Izbrannoe. [Theory of crime and branch criminology. Selected]. SPb.: Yuridicheskii tsentr, 2015, 432 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Анатольевич Шестаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: shestadi@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitriy Anatolievich Shestakov – Doctor of Laws, professor; honoured scientist of the Russian Federation, co-founder, president of Saint-Petersburg International Criminology Club, head of the Laboratory of criminological at Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: shestadi@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

С.Ф. Милуков

МИГРАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация: Нарастание миграционных потоков в Европу сходно с Великим переселением народов IV–VII веков. Налицо осложнение криминологической обстановки, способное привести к острым национальным и межконфессиональным конфликтам.

Ключевые слова: переселенцы; глобальная олигархическая власть; суверенитет; Россия.

S.F. Milyukov

MIGRATION COMPONENT OF CONTEMPORARY CRIME

Summary: The growth of migration flows to Europe is similar to the Great Migration of Peoples of the 4th–7th centuries. There is a complication of the criminological situation, which can lead to acute national and interfaith conflicts.

Key words: immigrants; global oligarchic power; sovereignty; Russia.

Состоявшаяся 25 мая 2018 года беседа в нашем Клубе и выступление на ней известного немецкого криминолога Х. Кури [4] помогают осмыслить чрезвычайно криминогенные процессы перемещения в Европу, в том числе Россию, Турцию, США и ряд других стран больших масс людей трудоспособного (и боеспособного) возраста. Обычно их именуют «беженцами», хотя они не напоминают таковых даже внешне: среди них нет измождённых голодом, оборванных, без гроша в кармане, растерянных людей. Нет и раненных, хотя многие из них прибыли из районов боевых действий.

Напротив, они прилично и модно одеты, пользуются мобильными телефонами, хорошо ориентируются в своих правах, требовательны к условиям размещения и питания. Некоторые не особо скрывают свою неприязнь к нормам поведения, установленным в принявших их государствах, проявляют агрессию.

По существу мы имеем дело с новым переселением больших людских масс, способным в ближайшей перспективе сравниться с Великим переселением народов конца IV–VII веков, явившегося одной из главных причин падения Западной Римской империи. «К числу причин Великого переселения обычно относят социально-экономические и социально-психологические изменения в евразийском варварском мире, который был уже не способен обеспечить потребности растущего

населения и выделявшейся верхушки, затронутых влиянием цивилизации и стремившихся к быстрому обогащению за счёт грабежа» [1, с. 56].

Некогда могущественный Рим не устоял перед этим нашествием, в том числе ввиду патологического разложения коренного населения, наглядно выразившегося в широком распространении содомии, обжорстве, безделье и массовых кровавых зрелищах (бои гладиаторов, публичные зверства в отношении христиан и т.п.). Не правда ли, всё это напоминает современную Европу, США, Канаду и, пока в меньшей степени, Японию?

Трудно поверить в то, что европейские лидеры не понимают последствий непрерывного перемещения на территорию их стран десятков и сотен тысяч молодых людей, в своём большинстве не способных и не желающих трудиться, но претендующих на хорошее жильё и полное материальное обеспечение.

Автор настоящих строк не является сторонником сугубо конспирологического объяснения геополитических процессов. Тем не менее, есть основания полагать, что переселение миллионов жителей Ближнего Востока, Африки, Центральной Азии, Латинской Америки и ряда других регионов в Европу носит спланированный характер.

Он политически, экономически и идеологически выгоден глобальной олигархической власти (ГОВ) [8, с. 13], существование ко-

торой яростно оспаривается либеральными криминологами. Характерна в этом плане позиция канцлера ФРГ А. Меркель, которая, оказавшись под гнётом критики, тем не менее, упрямо отрицает очевидные факты существенной (тотальной) криминализации европейских государств под влиянием нашествия переселенцев.

Показательно в этом плане изнасилование и убийство 22 мая 2018 г. в немецком Висбадана четырнадцатилетней Сусанны Марии Фельдман. Подозреваемый в преступлении 20-летний Али Башар по чужим документам вместе с членами своей семьи покинул Германию на следующий день (7 июня) после обнаружения тела потерпевшей. Он прибыл в Германию в 2015 году. В декабре 2016 года ему отказали в получении статуса беженца, но в связи с опротестованием этого решения будущему насильнику разрешили пребывать на территории ФРГ. За это время Башар неоднократно попадал в поле зрения немецкой полиции: участвовал в драках, оскорбил полицейского, угрожал мужчине ножом с целью ограбления. Его также подозревали в причастности к изнасилованию 11-летней девочки в марте 2018 г., но доказательств тому собрано не было.

На этот раз Башару не удалось уйти от ответственности, поскольку Сусанна Фельдман оказалась еврейкой, а в Германии очень чувствительно относятся к проявлениям антисемитизма. Он был задержан властями иракского Курдистана и сразу сознался в совершённом преступлении. В эти же дни в немецком городе Вирсене было обнаружено тело 15-летней девушки, приехавшей с родителями из Румынии. Подозреваемый в убийстве – «беженец» турецкого происхождения – сдался полиции, в поле зрения которой он уже находился ранее.

В связи с подобными фактами президент США Д. Трамп заявил, что преступность в Германии выросла более чем на 10 % с тех пор, как в стране стали принимать мигрантов. В ответ А. Меркель указала: «Статистика совершения уголовных преступлений говорит сама за себя. Мы видим там небольшую позитивную тенденцию».

Как делается такая благостная статистика, нам в России хорошо известно [6]. Подобные приёмы использует и полиция ФРГ, Франции, Бельгии, скандинавских стран, судя по тому, что многие преступления мигрантов (даже террористического характера) не становятся

предметом должного расследования и судебного разбирательства.

Что же ищет ГОВ в постоянном нагнетании националистических и межконфессиональных страстей в некогда спокойной и сытой Европе? Думается, что ею движет стремление создать обстановку «управляемого» хаоса, обеспечив тем самым барыши транснациональным монополиям и выгоды военно-полицейскому аппарату, который находится в услужении «воробогачей» (меткий термин, введённый в научный оборот Д.А. Шестаковым).

Как полагает А.П. Данилов, к настоящему времени можно говорить о завершении построения ГОВ псевдогосударства, в рамках которого численность населения Земли искусственно сокращают до количества, необходимого глобальной олигархии для обслуживания собственных нужд [2, с. 60]. Переселенцы, осваиваясь на новых пространствах, по замыслу ГОВ быстро вытеснят, заместят собой интеллектуально, культурно и духовно более развитые народы, способные активнее противостоять преступной деятельности глобальной власти. Выполнив свою разрушительную по отношению к коренному населению роль, мигранты будут устранены ГОВ. Например, путём мировой эпидемии, которой они, в силу своего слабого научно-технического развития, не смогут противостоять [3, с. 38–39].

Не исключено, что мы имеем дело с новой попыткой возрождения «тевтонского духа», так как именно Запад вскормил А. Гитлера в надежде на то, что он будет послушным орудием в борьбе с «иудобольшевизмом». Не случайно во многих европейских странах весьма прохладно относятся к 8–9 мая 1945 года, а националистические режимы в Прибалтике и на Украине склонны считать эти даты днями траура по борцам с коммунизмом. Последнее предположение базируется, в частности, на росте популярности правоконсервативной партии «Альтернатива для Германии», основанной 6 февраля 2013 г., а уже 24 сентября 2017 года ставшей третьей по численности силой в Бундестаге.

Оживление национализма мы видим в Австрии, Венгрии, Италии, Румынии, Болгарии и Финляндии, которые, как известно, приняли активное участие в антибольшевистском походе на Восток, а также Польше, которая к этому походу была не прочь присоединиться.

Миграционная детерминанта серьёзно сказывается и на осложнении криминологической обстановки в России [5]. Конечно, её действие не идентично западноевропейскому. Дело в том, что основная масса лиц, стремящихся в нашу страну, являются уроженцами бывших союзных республик, отнюдь не подвергавшихся бесчеловечной эксплуатации и национально-религиозному угнетению. Поэтому они не воспринимают Москву, Петербург, Ростов, Воронеж, Омск и другие города как вотчины оккупантов и уповают на то же к ним отношение, что и при советской власти. Впрочем, это не препятствует вытеснению русскоязычного населения из Средней Азии, Казахстана и с Кавказа.

Большинство преступлений, совершаемых мигрантами, не попадает в государственные учёт. Наряду с пассивностью правоохранительных органов (а она, в свою очередь, обусловлена низкой квалификацией или (и) продажностью их сотрудников) это объясняется замкнутостью соответствующих этнических сообществ. Не случайно в январе–мае 2018 г. удалось выявить всего 16 666 преступлений, совершённых иностранцами и лицами без гражданства, из них гражданами государств участников СНГ – 14 943 (уменьшение по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. на 3,8 % и 2,3 %, соответственно).

А вот число преступлений в отношении иностранцев и апатридов увеличилось на 5,3 %, что ясно указывает на усиление напряжённости в обществе.

Особенно острой выглядит сложившаяся к настоящему времени ситуация с проявлениями террористического характера. В России существуют разветвлённые националистические сети, члены которых не собираются сидеть в подполье и заниматься лишь религиозным просветительством. Их боевые (штурмовые) отряды стремятся перехватить инициативу, нанося неожиданные и весьма болезненные удары по государственным учреждениям, транспортной инфраструктуре и скоплениям граждан. Об этом свидетельствуют кровавый террористический акт в петербургском метро (3 апреля 2017 г.), последующие дерзкие нападения на сотрудников силовых ведомств, гражданское население, включая попытку захвата православного храма в Грозном (19 мая 2018 г.).

Действующие Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года, утверждённая Указом Президента России от 28 ноября 2014 г., и Стратегия национальной безопасности РФ, утверждённая Указом Президента России от 31 декабря 2015 г., другие руководящие директивы не устанавливают, каким образом Россия может гарантировать себе сохранение территориальной целостности и суверенитета в условиях постоянного нарастания внешних и внутренних угроз. Среди них и глобальная миграция, причём не только незаконная.

На наш взгляд, эта гарантия есть, хотя её достижение многим покажется утопичным. Она заключается в восстановлении могучей евразийской державы в границах 1945 (а, может быть, и 1914) года. Если этой цели-гарантии не достигнуть, оставшаяся часть России рано или поздно будет полностью измотана конфликтами с псевдонезависимыми государствами, образовавшимися на территории бывших союзных республик. Нельзя исключить и широкомасштабной агрессии стран НАТО (и не только их) с территориями этих образований (прежде всего, Прибалтики, Украины, среднеазиатских республик).

Конечно, это возрождённое государство должно учесть просчёты СССР (как раз стратегические) в проведении национальной политики. Если Российскую империю называли «тюрьмой народов», то советское руководство, напротив, проводило на национальных «окраинах» самоубийственную для государственного единства политику заигрывания с местными «элитами», не замечая расцвета национализма, русофобии и даже профашистских настроений (та же Прибалтика, Западная Украина).

Воссоздание союза веками населявших Россию народов вызовет, без всякого сомнения, бешеную злобу наших геополитических противников. Но они и так уже обвиняют нынешнюю российскую власть в подобном реваншизме. Поэтому лучше заявить об этой цели открыто. Это может обеспечить всенародную поддержку такому курсу, сплотить народные массы, погасить социальные, национальные раздоры, решить в целом рассматриваемую проблему хотя бы за счёт того, что миграционные потоки из внешних превратятся во внутренние, гораздо более контролируемые.

Пока же придётся решать повседневные, текущие задачи. В этой связи вызывает сомне-

ние существующее в отечественной криминологии объяснение причин бурного оживления миграционных процессов «появлением феномена трудовой миграции» [7, с. 27].

Смеем утверждать, что в России нет дефицита рабочей силы, во всяком случае, острого. Напротив, наблюдается её избыток. Правда, официальный уровень безработицы мизерен: на 21 февраля 2018 г. в органах службы занятости состояло на учёте всего 991 тыс. человек. Однако, согласно расчётов, основанных на признанной методике Международной организации труда, сейчас в Российской Федерации не менее 4 млн (!) безработных, а всего не имеют официального трудоустройства свыше 25 % экономически активного населения – не менее 20 млн человек! Конечно, среди этих двух десятков миллионов не только безработные, но и лица, занятые в так называемой «теневой» экономике. Надо вывести эти многомиллионные массы из пресловутой «тени», обязать их самих и работодателей платить налоги в государственную казну.

Почему капиталисты (их у нас именуют бизнесменами) так охотно прибегают к труду таджиков, узбеков, киргизов, молдаван и украинцев? Ответ известен и неспециалистам. Им выгоден такой труд ввиду возможности платить по минимуму и пользоваться бесправием большинства мигрантов, некоторые из которых фактически обращены в рабство. Свидетельством тому факты гибели некоторых из них при пожарах и других несчастных случаях в местах их нелегальной концентрации в той же Москве и других городах.

Действие этого фактора резко усилится в случае реализации реформы пенсионной системы, затеянной Правительством РФ, на фоне роста цен на нефть и бензин, тарифов ЖКХ, увеличения золотовалютных запасов и перекачивания валютной массы в банки наших геополитических противников.

Причём, дело не только в кардинальном повышении возраста выхода на пенсию. Постоянно увеличивается и минимально необходимый трудовой стаж. Уже сейчас многие женщины и мужчины, достигнув соответственно 55-ти и 60-ти летнего возраста, не обеспечиваются пенсией и вынуждены работать дальше.

Появление на рынке рабочей силы новых миллионов работников – престарелых, отягощённых хроническими заболеваниями – вызовет потребность в занятии ими малооплачиваемых должностей, которые ныне замещаются мигрантами: в сфере ЖКХ, строительства, розничной торговли, здравоохранения и т.п. Это неизбежно вызовет социальные трения, которые будут сопровождаться насилием и беспорядками. Нужно учитывать, что нынешние пенсионеры зачастую кормят своих детей и внуков, а последние часто злоупотребляют алкоголем, наркотиками и склонны к ксенофобии.

Необходимо обуздать (в том числе и за счёт уголовной репрессии) непомерные аппетиты таких работодателей, вольно или невольно возбуждающих социальную и национально-религиозную ненависть у эксплуатируемых ими перемещённых лиц, а также той части коренного населения, которая лишается средств для достойного существования.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая Российская энциклопедия. Т. 5. Москва, 2006. 783 с.
2. Данилов А.П. Вмешательство в государственный суверенитет как звено глобальной политической преступной деятельности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (47). С. 59–62.
3. Данилов А.П. Преступное глобальное управление переселением народов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 2 (49). С. 38–40.
4. Кури Х. Интеграция беженцев в Германии – возросла ли криминальная нагрузка? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 37–45.
5. Милюков С.Ф. Отзыв ведущей организации о диссертации на соискание учёной степени канд. юрид. наук: Ульянов М.В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1 (30). С. 128–132.
6. Милюков С.Ф. Уголовная статистика как зеркало криминальной революции // Защита и безопасность. 1997. № 1. С. 24–25.
7. Ульянов М.В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности: дис. ...канд. юр. наук. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2017.
8. Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12–22.

REFERENCES

1. Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. [The Great Russian Encyclopedia]. V. 5. Moskva, 2006, 783 p.
2. Danilov A.P. Vmeshatelstvo v gosudarstvenniy suverenitet kak zveno globalnoy politicheskoy prestupnoy deyatel'nosti. [Interference in state sovereignty as an element of the global political criminal activity]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 4 (47), pp. 59–62.
3. Danilov A.P. Prestupnoe globalnoe upravlenie pereseleniem narodov. [Criminal global management of migration of peoples]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 2 (49), pp. 38–40.
4. Kury H. Integratsiya bezhentshev v Germanii – vozrosla li kriminalnaya nagruzka? [Integration of refugees in Germany – has the criminal burden increased?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 1 (48), pp. 37–45.
5. Milyukov S.F. Otzyv vedushchey organizatsii o dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kand. yurid. nauk: Ulyanov M.V. Migratsionnye protsessy v sisteme determinatsii prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti. [A review of the leading organization on the thesis: Ulyanov M.V. Migration processes in the system of determination of extremist crimes]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018, no. 1 (30), pp. 128–132.
6. Milyukov S.F. Ugolovnaya statistika kak zerkalo kriminalnoy revolyutsii. [Criminal statistics as a mirror of the criminal revolution]. *Zashchita i bezopasnost – Protection and Security*. 1997, no. 1, pp. 24–25.
7. Ulyanov M.V. Migratsionnye protsessy v sisteme determinatsii prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti: dis. ...kand. yur. nauk. [Migration processes in the system of determination of extremist crimes]. M.: Akademiya Generalnoy prokuratury RF, 2017.
8. Shestakov D.A. Planetarnaya oligarkhicheskaya prestupnaya deyatel'nost: devyatiy uroven prestupnosti. [Global oligarchic criminal activity: ninth level of crime]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 2 (25), pp. 12–22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Фёдорович Миллюков – доктор юридических наук, профессор, соучредитель, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, профессор кафедры уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: dikoe polesf@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sergey Fyodorovich Milyukov – Doctor of Laws, professor, co-founder, honorary professor of the St.-Petersburg International Criminology Club, professor of the department of criminal law at the Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: dikoe polesf@gmail.com

УДК 343.9
ББК 67.51

С.М. Иншаков

СТРАТЕГИИ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: Ключом к решению проблем миграционной безопасности является национализация элит. Не исключено, что в Западной Европе она будет проходить по схеме фашизации социума.

Ключевые слова: переселенцы; фашизм; глобализация; терпимость.

S.M. Inshakov

STRATEGIES OF MIGRATION SECURITY

Summary: The nationalization of elites is the key to solving the problems of migration security. In Western Europe it may go according to the scheme of fascism of society.

Key words: immigrants; fascism; globalization; tolerance.

Передвижение людей по планете, освоение новых ареалов, вытеснение сильными слабыми и захват сильными территорий, обеспечивающих наиболее комфортную и безопасную жизнь, – в этом заключаются сущностные аспекты глобализационных процессов, которые начали развиваться практически одновременно с появлением человечества. Тысячелетия культурного развития, накопление цивилизационного опыта несколько обогородили форму, но практически не изменили содержания этих процессов.

Миграция оказывает серьёзное воздействие не только на культуру народов, но и на безопасность страны. Практически во всех общинах отношение к пришельцам имеет негативную коннотацию (в интервале от настороженности и тревоги до неприязни и открытой агрессии). Причём чем больше число пришельцев, тем негативнее реакция аборигенов.

У многих народов есть традиция с радостью встречать любого гостя. Но она носит скорее обязывающий характер, а внутренний импульс более точно раскрывает поговорка: «Незванный гость хуже татарина» (и более жесткая её транскрипция: «Дорогие гости, а не надо ли вам хозяева?»).

В рамках современной культуры терпимости и гуманизма такое отношение к мигрантам оценивается исключительно отрицательно. Однако социальная практика даёт немало оснований для устойчивости этих стереотипов: албанцы, гостеприимно принятые сербами в Косово, уже отторгли этот край от Сербии

и почти полностью изгнали оттуда сербское население. Во Франции некоторые районы и кварталы городов остаются французскими лишь де-юре. Де-факто лицам неарабской национальности там лучше не появляться – безопасность не гарантируется.

Миграционная безопасность – это сфера обеспечения национальной безопасности посредством корректного отношения к пришельцам. За тысячелетия международной социальной практики были сформированы достаточно эффективные механизмы обеспечения национальной безопасности в этой сфере:

- пограничный контроль, исключающий проникновение в пределы страны тех, у кого нет на то специального разрешения;
- первичная миграционная фильтрация (впускать всех полезных и изгонять ненужных и потенциально опасных);
- дополнительный миграционный контроль (выдворение за пределы страны всех, у кого нет законных оснований пребывания);
- государственный и социальный контроль того, насколько мигранты вписываются в нормативную систему принявшего их народа (дополнительная фильтрация и коррекция поведения мигрантов);
- культурные механизмы ассимиляции (имеющие двухстороннюю направленность: как со стороны местного населения, так и со стороны мигрантов).

В течение многих лет международного общения выкристаллизовались стратегии обеспечения миграционной безопасности. Назовём их.

Не все народы могут позитивно взаимодействовать. Существует межнациональная некомплементарность, препятствующая этому. Она может быть односторонней или обоюдной. При наличии такой некомплементарности миграционные процессы в более или менее отдалённой перспективе чреваты серьёзными негативными последствиями. Миграцию в таком контексте можно рассматривать как фактор, отрицающий национальную безопасность.

Не все народы могут ассимилироваться. Народы могут позитивно взаимодействовать – феномен некомплементарности не просматривается. Но культура народа, представители которого в качестве мигрантов прибывают в определённую страну, настолько развита и самобытна, что мигранты не могут и не хотят от неё отказаться, не могут интегрировать её в культуру страны пребывания. Представители этих народов живут замкнуто (диаспорами, анклавом, национальными кварталами). Среди них могут быть ценные специалисты. Представители этих народов будут даже в чём-то служить образцом для коренных жителей. Но страну пребывания они практически никогда не называют «моя страна», национальные интересы принявшего их народа и их интересы не совпадают (а могут находиться и в противоречии).

В критические моменты истории эти мигранты воспринимаются как угроза национальной безопасности. В США, например, во время Второй мировой войны несколько сот тысяч японцев, имевших американское гражданство, были изолированы в специальных лагерях (американский вариант концентрационных лагерей).

Большие народы терпимы к малым. Народы, находящиеся на высоких ступенях цивилизационного развития, лояльны по отношению к менее развитым. В этих стереотипах кроются ловушки. Суть двух названных стратегем заключается в том, что большие народы не боятся малых, продвинутые в плане цивилизационного развития – не боятся отсталых. Первые практически не бывают некомплементарны ко вторым. Коварство и опасность такого благодушия кроется в следующем:

– большие народы полагают, что и малые столь же великодушны к ним. Развитые полагают, что отсталые испытают чувство благодарности к ним за допуск к благам цивилизации.

Общесоциологический тренд иной, можно даже сказать прямо противоположный. Причин здесь много. Доминирует отрицание восприятия себя как представителя второсортной общности. Немаловажную роль играет и устойчивость национальных культурных стереотипов, зафиксированных как в сознании, так и в подсознании;

– во взаимодействии больших и малых народов, развитых и развивающихся наций всегда присутствуют и позитивные и негативные моменты. Первые воспринимают взаимодействие под углом зрения доминирования позитивных воздействий («бремя белых»). Вторые часто во главу угла ставят негативные аспекты взаимодействия (эксплуатация, неэквивалентный обмен, парадигмальность социальной стратификации на высших и низших, первосортных и второсортных).

На одни и те же явления мигранты и коренные народы смотрят разными глазами, по-разному оценивают социальную ситуацию в стране. А это ставит под угрозу социальную гармонию, в отдельных случаях выступает фактором, отрицающим общественную и государственную безопасность.

Культура национальных диаспор, анклавов, городских кварталов с доминированием мигрантов содержит в себе тенденцию к формированию следующих параллельных социальных институтов: религиозности, идеологии, традиционности, морали, права, правосудия.

Этот параллелизм может быть завуалирован и даже глубоко законспирирован. Западная толерантность позволяет ему активно развиваться. Однако необходимо помнить о криминологической мере – «границах, в которых приложимы силы, в частности, человеческая деятельность, даёт возможность продолжению здоровой жизни» [1, с. 28], так как в этом параллелизме в скрытой форме всегда наличествует вызов культуре и традициям коренного народа, его морали и праву. Это вариант скрытой культурной экспансии. При неблагоприятных условиях она может трансформироваться в агрессивность и открытую экспансию.

В соответствии с законом перехода количества в качество мигранты могут обрести статус титульной нации, а коренной народ – статус персоны нон грата. В одном из своих заявлений М. Каддафи объявил «демогра-

фическую войну» Европе. Персонально он её проиграл. А вот на уровне социума проиграть эту войну очень велики шансы у Евросоюза. Да и все цивилизации севера (включая США) в перспективе нескольких десятилетий могут почувствовать мягкую демографическую удавку юга.

Отличительными особенностями современной международной обстановки является то, что международный терроризм уверенно занял место одного из главных инструментов геополитики, а миграционные процессы являются условиями, благоприятствующими развитию терроризма.

В 2015 году мир стал свидетелем миграционного бума, захлестнувшего страны Западной Европы. Ему сопутствовал всплеск терроризма в европейских городах. Известно, что миграционные процессы – неотъемлемая часть социогенеза. Однако европейский миграционный феномен по качественным и количественным параметрам явно выпадает из кластера стихийных процессов. Не исключено, что здесь сошлись интересы нескольких глобальных игроков: США, Турции, профашистских европейских элит, исламских радикалов. Справедливо утверждение о том, что за ними стоят представители глобальной олигархической власти (ГОВ) [2].

Творцами хаоса в арабском мире и Афганистане являются Соединённые Штаты, ведомые ГОВ. Доктрина управляемого хаоса как основа американской геополитической стратегии сегодня почти никем не оспаривается. Турция в качестве американского сателлита дозировала вброс беженцев в Европу. Обстоятельства теракта в Париже, связанного с нападением на редакцию издания Шарли Эбдо, и его расследования (самоубийства инспектора полиции, проводившего расследование, и его преемника) дают немало оснований предполагать, что спецслужбы в этой геополитической акции играют важную роль. Одна из наиболее вероятных целей – подавление Евросоюза как потенциального конкурента Штатов.

Турция в XXI веке достаточно ясно заявила о своих претензиях на участие в глобализационных процессах в качестве активного субъекта. Статус модератора европейских миграционных процессов весьма привлекателен для неё. Она, несомненно, не главный игрок, но её вклад весьма значим.

Профашистские силы в Европе ещё совсем недавно находились в глубоком подполье. Робкими сигналами о том, что у них не всё погребло, были марши ветеранов СС в странах Прибалтики. При этом весьма значимой и красноречивой была реакция прогрессивной европейской общественности – полное молчание. Акция Брейвика в Норвегии показала, что есть в рядах европейских фашистов и молодые люди, готовые убивать много. Ну а бандеровский ренессанс на Украине развеивает всякие сомнения в перспективности фашизма в Европе. Предположу, что именно этой политической силой были организованы рождественские акции сексуального насилия мигрантов в ряде городов Западной Европы. Фашизм как политическая сила ждёт своего часа. Он уже приготовил свой ответ на демографические вызовы «юга».

В условиях современной международной обстановки радикальному исламу остаётся лишь одно – расцвести пышным цветом и отозваться на геополитические действия мировых игроков серией террористических атак. Образование ИГИЛ (организация запрещена в РФ) – убедительное свидетельство того, что данный феномен перешагнул на новую ступень (гипертерроризм). На данный момент шансы этого субъекта как глобального геополитического актора невелики. Но они невелики лишь в той системе координат, где государственные руководители ориентируются на национальные интересы своей страны.

Одним из главных в этой ситуации является вопрос о субъектности руководителей государств Евросоюза, особенно, Германии и Франции. Характер избирательной кампании Э. Макрона, стиль его взаимоотношений с президентом США дают основания сомневаться в том, что национальные интересы Франции доминируют в мотивационной сфере французского президента.

Аналогичные сомнения в отношении канцлера Меркель беспокоят многих граждан Германии. Инсайдерская информация о содержании так называемого канцлер-акта объясняет, почему мадам канцлерин часто в международных делах поступает нелогично, почему она так терпимо относится к прослушке её телефонных переговоров спецслужбами США. Эта «нелогичность» является таковой лишь с позиций национальных интересов Германии. А вот с позиций национальных интересов

США её поведение представляется вполне закономерным и правильным.

Предательство элит – феномен, зародившийся в XX веке и ставший символом современности. Оно является главным инструментом реализации американской глобализационной модели. Всё больше подтверждений находит гипотеза о том, что глобальный управляющий класс сформировал механизм подавления национальных интересов: руководитель государства может обеспечить своё будущее за счёт постановки под сомнение будущего страны. Объяснительная функция науки в данном ракурсе приобретает особую значимость. И названная гипотеза оказывается ключом к объяснению природы так называемого *миграционного дуализма*:

– обеспечение миграционной безопасности – проблема, вполне решаемая государ-

ственными руководителями, ориентированными на национальные интересы;

– эта проблема обретает статус неразрешимой, как только национальный лидер натурализуется в глобальном управляющем классе.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что ключом к решению проблем миграционной безопасности является национализация элит. Не исключено, что в Западной Европе она будет проходить по схеме фашизации социума – очень дорогая плата за обеспечение национальной безопасности. Осознание народами сущности современных социальных процессов, развитие общей и политической культуры, рост активности населения, принуждение государственных руководителей принимать решения, отвечающие национальным интересам, – этот вариант решения проблемы обеспечения национальной безопасности представляется более привлекательным.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов А.П. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 27–30.
2. Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12–22.

REFERENCES

1. Danilov A.P. Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti). [Criminological theory of tolerance]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, no. 4 (39), pp. 27–30.
2. Shestakov D.A. Planetarnaya oligarkhicheskaya prestupnaya deyatel'nost: devyatiy uroven prestupnosti. [Global oligarchic criminal activity: ninth level of crime]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 2 (25), pp. 12–22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Михайлович Иншаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия); e-mail: insmi@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sergey Mikhaylovich Inshakov – Doctor of Laws, professor, honored lawyer of the Russian Federation, professor of the department of national security and law enforcement of the Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia); e-mail: insmi@yandex.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

П.А. Кабанов

КРИМИНАЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: КРАТКИЙ ОБЗОР ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ ЗА 2014–2017 ГОДЫ

Аннотация: Доля мигрантов среди жертв преступлений, совершаемых в России, крайне мала. При этом основное число потерпевших-мигрантов – это мужчины. Доля жертв-женщин – около одной четверти от числа всех потерпевших-мигрантов. Мигранты чаще всего становятся жертвами преступлений средней и небольшой тяжести, реже – тяжких и особо тяжких.

Ключевые слова: мигранты; преступления; жертва; виктимность.

P.A. Kabanov

CRIMINAL VICTIMITY OF MIGRANTS IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY: BRIEF OVERVIEW OF OFFICIAL STATISTICS FOR 2014–2017

Summary: The share of migrants among victims of crimes committed in Russia is extremely small. At the same time, the majority of migrant victims are men. The proportion of female victims is about one-fourth of all migrant victims. Migrants most often become victims of crimes of medium and small gravity, less often – of grave and especially grave crimes.

Key words: migrants; crimes; victim; victimity.

Беседа «Преступность миграционных процессов», состоявшаяся в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе 25 мая 2018 года, была предметно направлена на поиск взаимосвязей преступности с миграционными процессами.

Такие взаимосвязи, на первый взгляд, могут показаться довольно простыми: нахождение крупных групп людей с собственными традициями на территории иностранного государства, не знающими правовых основ и традиций принимающей стороны, создаёт конфликтную обстановку между гражданами этого государства и мигрантами. Она приводит как к преступлениям мигрантов в отношении граждан принявшей их страны, так и к ответным преступлениям коренных жителей в отношении мигрантов.

О криминогенности миграционных процессов часто заявляют представители миграционных служб различных государств, столкнувшихся с массовым неконтролируемым «наплывом» мигрантов. Таким образом, вопросы исследования криминогенности миграционных процессов становятся важнейшей

частью ведомственной криминологической науки.

Отметим, что российские криминологи больше исследуют преступления мигрантов [1; 3], нежели влияние негативных последствий преступности на жизнь этих лиц. Отечественными специалистами подготовлено лишь небольшое количество научных статей, в которых обращается внимание на виктимологические аспекты миграционных процессов [5; 2], виктимологическую характеристику миграционной преступности [8], особенности поведения жертв-мигрантов отдельных видов преступлений, их виктимность [6], а также меры по обеспечению их виктимологической защиты от отдельных преступлений [7].

Вопросы социальной миграции и виктимогенной криминализации населения лишь в самом общем виде были исследованы в начале XXI века в рамках одного параграфа докторской диссертации К.В. Вишневецкого [4]. До настоящего времени вне научных интересов российских специалистов остаются вопросы, связанные с оценкой состояния криминальной виктимности мигрантов, её причинами, а

также разработкой мер по их девиктимизации. Под криминальной виктимностью мы понимаем неспособность лица избежать совершения в отношении него преступления там, где это было бы возможно.

На первом этапе необходимо проанализировать данные российской виктимологической статистики в части криминальной виктимности мигрантов, а уже в последующем – выявить факторы виктимности и выработать меры по её снижению.

В целях установления состояния криминальной виктимности мигрантов мы обратились с запросом в ГИЦ МВД России и получили необходимые для обзора статистические данные о количестве мигрантов, ставших жертвами преступлений в 2014–2017 годах.

Выбор периода обзора обусловлен тем, что лишь с 2014 года в России появилась база статистических сведений с закреплением такого правового статуса потерпевшего как «мигрант». Общее количество жертв-мигрантов с 2014 по 2017 год составило 5592 человека (0,09 % от общего количества потерпевших (физических лиц) в РФ за данный период). Из них в 2014 году было учтено 1254 жертвы, в 2015 – 1269, в 2016 – 1268, в 2017 – 1801. Прирост криминальной виктимности мигрантов в исследуемый период составил 30,4 %.

Важное криминологическое значение имеет статистическое описание степени тяжести совершённых в отношении мигрантов преступлений. В описываемый нами четырехлетний период потерпевшими от особо тяжких преступлений были признаны 486 мигрантов, в том числе в 2014 году 102 человека, в 2015 – 128, в 2016 – 152, в 2017 – 104. В то же время потерпевшими от тяжких преступлений были признаны 1020 мигрантов, в том числе в 2014 году 264 человека, в 2015 – 218, в 2016 – 207, в 2017 – 331.

Жертвами преступлений средней тяжести стали 2288 мигрантов, в том числе в 2014 году 515 человек, в 2015 – 513, в 2016 – 518, в 2017 – 742. Прирост данного показателя составил 44 %. Потерпевшими от преступлений небольшой тяжести признано 1780 мигрантов, в том числе в 2014 году 373 человека, в 2015 – 392, в 2016 – 391, в 2017 – 624. Прирост данного показателя – 32,7 %.

Доля мигрантов, признанных правоохранительными органами и судами потерпевши-

ми от тяжких и особо тяжких преступлений, составила 26,9 %, а от преступлений небольшой и средней тяжести – 73,1 %.

Анализ структуры сведений о потерпевших-мигрантах показал, что жертвами преступлений стали 1384 женщины (24,7 % от общего числа пострадавших мигрантов). В динамике этот показатель выглядит следующим образом. В 2014 году было признано потерпевшими от преступлений 302 женщины-мигранта, в 2015 – 318, в 2016 – 332, в 2017 – 432. Прирост женской криминальной виктимности мигрантов за описываемый период составил 43 %, что на 12,6 % выше показателя общего прироста криминальной виктимности мигрантов.

В исследуемый период 161 несовершеннолетний-мигрант стал жертвой преступления (2,9 % от общего числа потерпевших-мигрантов). В динамике этот показатель выглядит следующим образом: в 2014 году – 30 несовершеннолетних-потерпевших, в 2015 – 36, в 2016 – 61, в 2017 – 34.

Значительная доля мигрантов (4929 человек или 88,1 % всех потерпевших-мигрантов) пострадала от следующих трёх групп преступлений: против собственности (глава 21 УК РФ), против жизни и здоровья (глава 16 УК РФ), против безопасности движения и эксплуатации транспорта (глава 27 УК РФ). Доля пострадавших от иных преступлений составляет лишь около 12 %.

Наибольшее количество мигрантов стало жертвами преступлений против собственности – 3665 человек (65,5 % от общего количества потерпевших-мигрантов). В динамике этот показатель выглядит следующим образом: в 2014 году их было учтено 817 человек, в 2015 – 780, в 2016 – 818, в 2017 – 1250. Структурная группировка по видам преступлений в отношении данной группы мигрантов показала следующее:

а) потерпевшими от тайного хищения имущества (ст. 158 УК РФ) были признаны 2243 мигранта (в 2014 – 488, в 2015 – 495, в 2016 – 525, в 2017 – 735);

б) потерпевшими от различных форм и видов криминального мошенничества (статьи 159–159.6 УК РФ) – 565 человек (в 2014 – 127, в 2015 – 113, в 2016 – 113, в 2017 – 212);

в) потерпевшими от грабежа (ст. 161 УК РФ) – 357 мигрантов (в 2014 – 90, в 2015 – 65, в 2016 – 70, в 2017 – 132);

г) потерпевшими от разбоя (ст. 162 УК РФ) – 229 мигрантов (в 2014 – 37, в 2015 – 39, в 2016 – 53, в 2017 – 100);

д) потерпевшими от вымогательства (ст. 163 УК РФ) – 46 мигрантов (в 2014 – 11, в 2015 – 10, в 2016 – 8, в 2017 – 17).

Статистические данные о мигрантах-жертвах преступлений против собственности указывают на то, что они чаще всего становятся потерпевшими от краж (61,2 % от общего количества потерпевших от преступлений против собственности или 40,1 % от общего количества жертв-мигрантов). От мошенничества страдает меньше: 11,5 % от общего количества потерпевших от преступлений против собственности или 10,1 % от общего количества всех потерпевших-мигрантов. Жертвами грабежа стало 7,2 % от общего числа мигрантов, потерпевших от преступлений против собственности, или 6,4 % от общего количества всех жертв-мигрантов.

Потерпевшими от преступлений против жизни и здоровья в описываемый период времени признано 1040 мигрантов (в 2014 – 257, в 2015 – 283, в 2016 – 232, в 2017 – 268), что составило 18,6 % от числа всех пострадавших этой социальной группы. В зависимости от уголовно-правовых норм, предусмотренных главой 16 УК РФ, мигранты оказались потерпевшими от:

а) убийств и покушений на него (статьи 105, 106, 107 и 108 УК РФ) – 213 человек (в 2014 – 63, в 2015 – 71, в 2016 – 39, в 2017 – 40);

б) причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) – 237 человек (в 2014 – 62, в 2015

– 60, в 2016 – 55, в 2017 – 60), в результате которого погибло 69 человек (в 2014 – 17, в 2015 – 18, в 2016 – 20, в 2017 – 14);

в) побоев (ст. 116 УК РФ) – 139 человек (в 2014 – 44, в 2015 – 49, в 2016 – 31, в 2017 – 15).

На третьем месте по числу пострадавших от них мигрантов находятся преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Их жертвами в описываемый период стали 224 мигранта (4 % от числа всех пострадавших этой социальной группы). Данный показатель формируется в основном за счёт статистического учёта жертв-мигрантов автотранспортных преступлений (ст. 164 УК РФ), в результате которых пострадало 223 человека, в том числе 148 погибло.

Проведённый нами статистический обзор криминальной виктимности мигрантов за период с 2014 по 2017 год позволил сделать ряд выводов. Во-первых, доля мигрантов среди жертв преступлений, совершаемых в России, крайне мала. При этом основное число потерпевших-мигрантов – это мужчины. Доля жертв-женщин – около одной четверти от числа всех потерпевших-мигрантов.

Во-вторых, в России мигранты чаще всего становятся жертвами преступлений средней и небольшой тяжести, реже – тяжких и особо тяжких. В-третьих, мигранты как социально-демографическая группа в большей степени страдают от имущественных преступлений (краж, различных видов мошенничества и грабежей).

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов-Романовский Г.В., Чирков Д.К., Литвинов А.А. Преступность мигрантов-иностранцев и её особенности // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 219–224;
2. Бормотова Т.М. Виктимологические риски нелегальной миграции: социальные факторы // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 5 (124). С. 57–62.
3. Буняева А.В., Буняева М.В., Серегина Е.В. Преступность мигрантов: виды и специфика причинности, меры противодействия на неё. М., 2017.
4. Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
5. Гамаюнова В.П. Влияние социальной миграции на криминогенную виктимизацию населения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 74–76.
6. Коваленко В.В. К вопросу о предупреждении миграционной преступности и виктимности мигрантов // Виктимология. 2015. № 1. С. 24–28.
7. Репецкая А.Л. Виктимологическая защита иностранных трудовых мигрантов от преступлений, связанных с торговлей людьми // Российский криминологический взгляд. 2013. № 2. С. 225–227.
8. Скобельков В.В. Виктимологическая характеристика и противодействие миграционной преступности // Правоохранительные органы: теория и практика. 2012. № 1. С. 65–67.

REFERENCES

1. Antonov-Romanovskiy G.V., Chirkov D.K., Litvinov A.A. Prestupnost migrantov-inostrantsev i ee osobennosti. [Crime of foreign migrants and its features]. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 2013, no. 2, pp. 219–224.
2. Bormotova T.M. Viktimologicheskie riski nelegalnoy migratsii: sotsialnye faktory. [Victimological risks of illegal migration: social factors]. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya – Social Policy and Sociology*. 2017, vol. 16, no. 5 (124), pp. 57–62.
3. Bunyaeva A.V., Bunyaeva M.V., Seregina E.V. Prestupnost migrantov: vidy i spetsifika prichinnosti, mery protivodeystviya na nee. [Crime of migrants: types and specifics of causality, countermeasures to it]. М., 2017.
4. Vishnevetskiy K.V. Kriminogennaya viktimizatsiya sotsialnykh grupp v sovremennom obshchestve: dis. ... d-ra yurid. nauk. [Criminogenic victimization of social groups in modern society]. М., 2008.
5. Gamayunova V.P. Vliyaniye sotsialnoy migratsii na kriminogennuyu viktimizatsiyu naseleniya. [Influence of social migration on criminogenic victimization of the population]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 2015, no. 3, pp. 74–76.
6. Kovalenko V.V. K voprosu o preduprezhdenii migratsionnoy prestupnosti i viktimnosti migrantov. [On the issue of preventing migration crime and migrant's victimization]. *Viktimologiya – Victimology*. 2015, no. 1, pp. 24–28.
7. Repetskaya A.L. Viktimologicheskaya zashchita inostrannykh trudovykh migrantov ot prestupleniy, svyazannykh s trgovley lyudmi. [Victimological protection of foreign labor migrants from crimes connected with human trafficking]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad – Russian Criminological Outlook*. 2013, no. 2, pp. 225–227.
8. Skobelkov V.V. Viktimologicheskaya kharakteristika i protivodeystvie migratsionnoy prestupnosti. [Victimological characteristic and counteraction to migration crime]. *Pravookhranitelnye organy: teoriya i praktika – Law Enforcement Bodies: Theory and Practice*. 2012, no. 1, pp. 65–67.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Александрович Кабанов – доктор юридических наук, доцент, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России (Нижний Новгород, Россия).

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Pavel Aleksandrovich Kabanov – Doctor of Laws, associate professor, member of the St. Petersburg International Criminology Club, professor of the department of criminology of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Nizhny Novgorod, Russia).

УДК 343.9
ББК 67.51

В.Н. Фадеев

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Аннотация: Миграционные процессы тесно связаны с радикальным исламизмом. Очень бы хотелось противопоставить идеологии исламистов антикриминогенную идеологию, которая бы человеческую активность из преступного русла направила в созидательное.

Ключевые слова: миграционные процессы; исламизм; беженцы; зарубежные спецслужбы.

V.N. Fadeev

RADICAL ISLAMISM AND MIGRATION PROCESSES

Summary: Migration processes are closely connected with radical Islamism. It would be desirable to oppose the Islamist ideology with an anti-crime ideology that would direct human activity from the criminal channel into a creative one.

Key words: migration processes; islamism; refugees; foreign special services.

Как отмечает Х. Кури, с 2014 года западноевропейские страны, прежде всего Германия, столкнулись с наплывом большого числа беженцев и просителей убежища из Сирии, Ирака, Ирана и Афганистана. Несмотря на всё ещё широко распространённую «культуру гостеприимства», проблема иммиграционных потоков выдвигает на первый план всё большее число политиков, придерживающихся позиций, занятых недавно созданной политической партией «Альтернатива для Германии» (АдГ) [3, с. 37].

По оценкам ООН, число мигрантов быстро растёт. В 2017 году оно достигло 258 миллионов против 173 миллионов в 2000 году и 153 миллионов в 1990 году.

По мнению Д.А. Шестакова, приток переселенцев в целом играет положительную роль, если они благотворно приживаются к обществу, дополняют его особенностями культуры собственного народа и не создают угрозы среде, к которой присоединяются [7, с. 14].

К сожалению, сегодня благотворного влияния миграции мы не ощущаем. От неё возникают лишь проблемы, в том числе связанные с радикальным исламизмом. Практически у всех на слуху так называемое «Исламское государство» (ИГИЛ) – террористическая организация, запрещённая в России, имеющая в своих рядах и граждан нашей страны.

Её активное развитие связано агрессией против Ливии и Сирии [2].

В 2015 году в Ираке и Сирии в составе различных радикальных исламистских организаций, согласно данным ФСБ, находилось около 2 тысяч россиян [1]. Они, в случае возвращения домой, могут выступить в качестве дестабилизирующего фактора как в целом в стране, так и в отдельных её субъектах.

С 1990-х до 2014 года в Крыму действовал своего рода «рассадник» радикальных исламистов. Здесь они «зализывали» свои раны, находясь под опекой зарубежных, прежде всего, турецких, катаро-саудитских эмиссаров. Управляли же исламистами англосаксонские спецслужбы.

Массовая радикализация населения особенно характерна для среднеазиатских республик бывшего СССР. Замечу, я не против ислама. Религия в деле духовно-нравственного воспитания играет позитивную роль, но отдельные страны используют её для достижения своих геополитических целей.

По данным ГУ МВД РФ в 2017 году в России находилось около 11 миллионов иностранных граждан. В 2012 году в РФ трудилось 2,3 миллиона узбеков, 1,1 миллиона таджиков и 540 тысяч киргизов. Эти цифры, учитывая и нелегальных мигрантов, количество которых сама ФМС оценивала в 3,7 миллиона человек, можно смело увеличить вдвое. При

этом денежные переводы трудовых мигрантов в Среднюю Азию из России составляют львиную долю ВВП среднеазиатских стран. В Киргизии это около трети внутреннего валового продукта, в Узбекистане – четверть, в Таджикистане заработанные гастарбайтерами в России деньги составляют почти половину ВВП республики [4].

С проблемами исламского фундаментализма, ваххабизма и радикализма СССР столкнулся ещё в конце 1970-х – начале 1980-х годов. После ввода в 1979 году советских войск в Афганистан спецслужбы США стали усиленно обеспечивать афганских моджахедов, воевавших против СССР, оружием и финансами. Страны арабского мира, в частности, Саудовская Аравия, направила свыше 35 тысяч моджахедов в Афганистан, западные страны – различных инструкторов.

В афганскую общественную жизнь активно внедрялась идеология ваххабизма. Из Афганистана она проникала в Таджикистан и другие среднеазиатские республики бывшего СССР. Уже к 1982 году в городах и населённых пунктах, прежде всего, Узбекистана, сначала в небольших количествах, а затем, к 1985 году, массово стали появляться так называемые «белоплаточники» (женщины – сторонницы ваххабизма в белых платках) и «бородачи», «короткоштанники» (мужчины – сторонники ваххабизма).

Целями радикальных исламистов являлись: создание Великого Кокандского ханства, затем Великого государства Туран со столицей в Самарканде, в последующем – возрождение пантюркизма и панисламизма на всей территории бывшего Османского халифата.

В системе радикального исламизма существуют различные группы, требующие специального исследования:

1) Сторонники «классического» радикального исламизма. Они формируют своё учение на основе течений аль-Банна, Сайда Кутба и Мухаммада Кутба, Абу-аль Аля Маудуди.

2) Крайне радикально настроенные группы, куда входят организации типа «Хизб-ут-Тахрир» и, по некоторым данным, «Аль-Кайда», «ИГИЛ», а также ряд других организаций.

3) Разнообразные локальные исламские радикальные движения, в т.ч. палестинский «Хамас», ливанская «Хезболла», «Исламское движение Узбекистана», ставящие перед собой цель уничтожения государства как такового.

Насилие является главным средством достижения целей радикальных исламистов. Оно обосновывается ссылками на Коран, вырванными из контекста высказываниями пророка Мухаммеда.

С момента создания ИГИЛ (29 июня 2014 г.) до июля 2016 года в мире было совершено более 70 террористических нападений, непосредственно организованных ИГИЛ, либо спровоцированных её идеологией. Их жертвами стало около 1200 человек в 20 странах. В 2015 году число казнённых членами ИГИЛ достигло 5000 человек. От рук боевиков погибли тысячи шиитов, христиан, езидов. Большинство среди казнённых – пленные солдаты сирийской армии, в том числе 1700 курсантов училища ВВС на военной базе Сабайкар в Тикрите [5].

В марте 2015 года ООН опубликовала доклад, основанный на исследованиях, проводившихся экспертами этой организации, в котором отмечается, что боевики ИГИЛ совершают на территории Ирака многочисленные преступления. Среди них: массовые казни, этнические чистки, использование несовершеннолетних в боевых действиях, принудительное обращение в ислам, склонение к занятию проституцией, разрушение исторических памятников и религиозных святынь.

Действия членов ИГИЛ могут быть классифицированы как военные преступления и преступления против человечества. В ИГИЛ официально возрождено рабство, открыто действуют невольничьи рынки. Наибольшим репрессиям со стороны «Исламского государства» подверглись езиды, особенно женщины – в связи с отказом вступать в половые отношения. Действия, совершаемые в отношении езидов, могут быть классифицированы как геноцид.

Наиболее сложно предупреждать преступления исламистских боевиков-смертников. История становления и развития данного преступного направления такова. В 1995 году Джохар Дудаев издал указ о формировании специальных добровольческих подразделений смертников. С 2000 года использование террористов-смертников стало одной из основных террористических тактик в России. Осенью 2002 года Шамиль Басаев создал Исламский батальон шахидов «Риядус-Салихийн» («Сады праведников»). Летом 2009 года Доку Умаров объявил о восстановлении

в структуре вооружённых формирований сепаратистов этой группировки и намерении в ближайшей перспективе провести на территории России широкомасштабные диверсионно-террористические акции.

В период с 1999 по 2017 год на территории России исламистскими боевиками-смертниками совершено свыше 70 преступлений

террористической направленности. Очень бы хотелось противопоставить идеологии боевиков-смертников и радикальных исламистов в целом антикриминогенную идеологию, которая бы человеческую активность из преступного русла направила в созидательное. Возможно, таковой идеологией могло бы стать родолюбие [6].

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Демон Лапласа» против ИГ: борьба с вербовщиками террористов. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/2501424> (дата обращения: 28.03.2018).
2. Данилов А.П. Преступностиведение о нападениях на Ливию и Сирию // Проблемы права и экономики. 2014. № 1. Выпуск 6. С. 77–84.
3. Кури Х. Интеграция беженцев в Германии – возросла ли криминальная нагрузка? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 37–45.
4. Медников А. Азиатское эхо Крыма. URL: lenta.ru/articles/2014/11/19/ca (дата обращения: 28.03.2018).
5. Сайт «Википедия». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Исламское_государство (дата обращения: 29.03.2018).
6. Сухенко А.Д., Данилов А.П. Новая идеология как основа противодействия терроризму // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27). С. 35–41.
7. Шестаков Д.А. Преступность сферы миграции // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 2 (49). С. 13–18.

REFERENCES

1. «Demon Laplasa» protiv IG: borba s verbovshchikami terroristov. [«Laplace Demon» versus IS: counteraction to terrorist recruiters]. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/2501424> (date of submission: 28.03.2018).
2. Danilov A.P. Prestupnovedenie o napadeniyakh na Liviyu i Siriyu. [On the attacks against Syria and Libya]. *Problemy prava i ekonomiki – Problems of Law and Economics*, 2014, no. 1, issue 6, pp. 77–84.
3. Kury H. Integratsiya bezhentsev v Germanii – vozrosla li kriminalnaya nagruzka? [Integration of refugees in Germany – has the criminal burden increased?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 1 (48), pp. 37–45.
4. Mednikov A. Aziatskoe ekho Kryma. [The Asian echo of the Crimea]. URL: lenta.ru/articles/2014/11/19/ca (date of submission: 28.03.2018).
5. Sayt «Vikipediya». [The website «Wikipedia»]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Islamskoye_gosudarstvo (date of submission: 29.03.2018).
6. Sukhenko A.D., Danilov A.P. Novaya ideologiya kak osnova protivodeystviya terrorizmu. [New ideology as a basis of the fight against terrorism]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 4 (27), pp. 35–41.
7. Shestakov D.A. Prestupnost sfery migratsii. [Crime of the sphere of migration]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 2 (49), pp. 13–18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Николаевич Фадеев – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России (Москва, Россия); e-mail: fadei87@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Viktor Nikolaevich Fadeev – doctor of Laws, professor, professor at the department of criminology of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia); e-mail: fadei87@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

В.С. Харламов

ПРЕСТУПНОЕ НАСИЛИЕ В СЕМЬЯХ МИГРАНТОВ

Аннотация: В период 2013–2017 годов основная часть внутрисемейных преступлений мигрантов – преступления в отношении братьев и сожителей. В семьях мигрантов женщины являлись жертвами семейного насилия в 30 % случаев, мужчины – в 70 %.

Ключевые слова: семейная криминология; мигранты; внутрисемейные преступления; умеренная терпимость.

V.S. Kharlamov

CRIMINAL VIOLENCE IN MIGRANT FAMILIES

Summary: In the period 2013–2017, most of the domestic crimes of migrants were crimes against brothers and cohabitants. In families of migrants, women were victims of domestic violence in 30% of cases, men – in 70%.

Key words: family criminology; migrants; domestic crimes; medium tolerance.

В Российской Федерации живут и трудятся сотни семей иностранцев. Ежегодно нашу страну посещает свыше 9 млн иностранных граждан из стран дальнего и ближнего зарубежья. Увеличивается число иностранцев, прибывающих по частным приглашениям. В учебных заведениях обучается более 100 тысяч студентов из различных стран мира. В 2017 году в России официально встало на учёт в органах федеральной миграционной службы около 7 млн иностранцев.

В том числе в связи с этим обосновано суждение Д.А. Шестакова о том, что, «постановка в преступноведении вопроса о переселенцах (мигрантах) является составной частью проблематики чужан. Наименование «чужанин» охватывает недавно прибывших на местность, несколько поколений появившихся давно, но не ставших своими, однако, оно включает в себя также и являющихся гражданами страны космополитов, которые, ненавидя её, намеренно способствуют её разрушению. Это понятие позволяет охватить достаточно широкий круг преступноведчески значимых проблем, вытекающих из взаимоотношений жителей страны, одни из которых относятся к ней, как к отечеству, другие – как к чужбине» [4, с. 13].

Состояние миграционной преступности в России относительно стабильно. Последние 5 лет ежегодное количество криминальных посягательств, совершённых мигрантами, не превышает 7,0 % от общего числа ежегодно

регистрируемых в стране преступлений. Судебная практика свидетельствует, что большая часть преступлений мигрантов, в том числе в сфере семейных отношений, совершается на бытовой почве.

Преступления в миграционной сфере нередко носят резонансный характер, вызывая всплеск ксенофобских и националистических настроений, давая повод для разного рода пропагандистских атак на Российскую Федерацию.

По официальной статистике, ежегодно в России мигрантами совершается свыше 35 тысяч преступлений, а в отношении самих мигрантов – более чем в 2 раза меньше. В частности, в 2017 году чужестранцами совершено 41 047 преступлений, а в отношении них – 14 679 преступлений [3, 36].

Последние годы в семьях мигрантов совершается не более одной тысячи внутрисемейных преступлений в год. В качестве примера приведём следующий случай. В подъезде дома номер 9 по ул. Камышовой в Санкт-Петербурге гражданин Таджикистана Боев Е.Д., 38 лет, в результате внезапно возникшей ссоры нанёс ножевые ранения приёмной дочери и жене. Приговором Приморского районного суда города Санкт-Петербурга виновный осуждён на 6 лет и 2 месяца лишения свободы (уголовное дело № 1-281/09). Подобных случаев в регионах России фиксируется множество.

Автором настоящей работы проведён анализ следственно-судебной практики: изучено

105 уголовных дел, рассмотренных в период 2013–2017 годов судами Ленинградской и Псковской областей, районными судами города Санкт-Петербурга, по фактам преступлений в семейной сфере. В результате выборочного изучения 82 уголовных дел представлена оценка криминального внутрисемейного насилия мигрантов.

Также проведены опрос 75 осуждённых-мигрантов, отбывавших наказание в исправительных колониях УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, за совершение насильственных преступлений против членов своей семьи, экспресс-опросы 67 жертв насилия в семье и 106 сотрудников органов внутренних дел г. Санкт-Петербурга, деятельность которых связана с профилактикой насилия в семье: участковых уполномоченных, сотрудников уголовного розыска и подразделений по профилактике правонарушений несовершеннолетних, дознавателей. Использованы сведения официальной уголовной статистики по регионам России и в целом по Российской Федерации.

Подавляющее большинство внутрисемейных преступлений мигрантов носит насильственный характер и совершается в Центральном федеральном округе, а в зависимости от национальной принадлежности – в семьях граждан Узбекистана, Таджикистана, Молдавии. Последние пять лет ежегодно фиксируется до 40 % от общего числа внутрисемейных насильственных преступлений, совершённых мигрантами, в семьях граждан Узбекистана, до 15 % – в семьях граждан Таджикистана и до 10 % – в семьях граждан Молдавии. Число внутрисемейных насильственных преступлений, совершённых гражданами иных государств, ежегодно не превышает 50 % от общего числа внутрисемейных преступлений мигрантов. Минимальное число данных преступлений регистрируется в Северо-Кавказском федеральном округе.

Преступления в миграционной сфере характеризуются высокой латентностью. Жертвы внутрисемейных преступлений не стремятся обращаться за помощью в правоохранительные органы. Среди причин такого поведения следует указать недоверие полиции, страх перед земляками, недостаточная адаптация мигрантов: слабое знание российских законов, русского языка.

В миграционной среде преобладают следующие преступления, совершённые одним членом семьи против другого: убийство (ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), преступления, посягающие на половую свободу и неприкосновенность (статьи 131–135 УК РФ).

В чём заключаются особенности внутрисемейных преступлений мигрантов? В период 2013–2017 годов основная часть данных преступлений совершается мигрантами в отношении братьев и сожителей. В российских же семьях наибольшее число убийств – это убийство одного супруга / сожителя другим. В семьях мигрантов женщины являлись жертвами семейного насилия в 30 % случаев, мужчины – в 70 %. В России – наоборот: в 70 % случаев женщины – жертвы, в 30 % случаев – мужчины.

Среди мигрантов, совершающих преступления в сфере семейных отношений, наиболее преступно активны мужчины в возрасте от 30 до 47 лет. Максимальное число данных преступлений приходится на вечернее (с 19 до 23 часов) и ночное время (42 % и 46 % соответственно). В 90 % случаев преступники используют кухонные ножи, вилки, холодное оружие. Часто жертве наносится множество травм руками и ногами.

Абсолютное большинство лиц (87 %), совершивших криминальные посяательства в семье, до совершения преступления не работали и не учились, 11 % – были неквалифицированными рабочими, 2 % – работали в сфере обслуживания. Низкий уровень среднего ежемесячного дохода на каждого члена семьи имели 96 % опрошенных осуждённых. В 25 % случаев насилие было осуществлено в состоянии алкогольного опьянения.

Для женщин-мигрантов наиболее характерны такие деяния как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью сожителю и детоубийство. Мотивация внутрисемейного насилия следующая: корысть (в 75 % случаев), стремление освободиться от семейных забот (в 15 % случаев), борьба за внутрисемейное лидерство (в 7 % случаев), ревность (в 3 % случаев).

За совершённое мигрантами насилие в семье судом в 85 % случаев назначалось наказание в виде лишения свободы. В 15 % случаев назначалось условное осуждение.

Определённые противоправные действия мигрантов связаны с проблемами их адаптации и интеграции в российское общество, недостаточным образованием, низкой квалификацией. В данном случае стоит отметить практику, существующую в Германии. По замечанию Х. Кури, она «очень многое делает для поддержки и интеграции новопривыбывших. Значительная часть усилий прилагается добровольцами» [2, с. 37].

Но, по справедливому мнению А.П. Данилова, для разрешения уже существующего криминогенного противоречия между беженцами, с одной стороны, и населением стран, в которые они прибывают, с другой, необхо-

димо обратиться к криминологической мере и обозначить границы умеренной терпимости, за пределами которой – взаимные преступления приезжих и коренного населения по отношению друг к другу, лавинообразно воспроизводящие совершение и иных преступлений. Коренное население, при отсутствии правильной государственной политики в сфере миграции, основанной на умеренной терпимости общества, может и вправе проявлять умеренную нетерпимость, являющуюся средством самозащиты граждан, желающих жить в собственной стране, не боясь за своё будущее [1, с. 29].

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов А.П. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 27–30.
2. Кури Х. Интеграция беженцев в Германии – возросла ли криминальная нагрузка? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 37–45.
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 года. М.: ГИАЦ МВД России. 2018.
4. Шестаков Д.А. Преступность сферы миграции // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 2 (49). С. 13–18.

REFERENCES

1. Danilov A.P. Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti). [Criminological theory of tolerance]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, no. 4 (39), pp. 27–30.
2. Kury H. Integratsiya bezhentsev v Germanii – vozrosla li kriminalnaya nagruzka? [Integration of refugees in Germany – has the criminal burden increased?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 1 (48), pp. 37–45.
3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar – dekabr 2017 goda. [The state of crime in Russia in January–December 2017]. М.: GIATS MVD Rossii. 2018.
4. Shestakov D.A. Prestupnost sfery migratsii. [Crime of the sphere of migration]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 2 (49), pp. 13–18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентин Станиславович Харламов – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: valentinx55@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Valentin Stanislavovich Kharlamov – PhD in Law, associate professor of the department of criminology at Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, honorary professor of the Saint-Petersburg International Criminology Club (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: valentinx55@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

А.П. Данилов

ПРЕСТУПНОЕ ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕМ НАРОДОВ

Аннотация: Переселенцы, осваиваясь на новых пространствах, по замыслу глобальной олигархической власти (ГОВ) быстро вытеснят, заместят собой интеллектуально, культурно и духовно более развитые народы, способные активнее противостоять преступной деятельности глобальной власти. Выполнив свою разрушительную по отношению к коренному населению роль, мигранты будут устранены ГОВ.

Ключевые слова: переселенцы; умеренная терпимость; глобальная олигархическая власть; транснациональные корпорации.

A.P. Danilov

CRIMINAL GLOBAL MANAGEMENT OF RESETTLEMENT OF PEOPLES

Summary: According to the plan of global oligarchic power, migrants, settling in new territories, will quickly replace intellectually, culturally and spiritually more developed nations, which are capable of resisting the criminal activities of global power more actively. After completing their destructive role for the indigenous population, migrants will be eliminated by the global oligarchic power.

Key words: migrants; moderate tolerance; global oligarchic power; transnational corporations.

Ничто не ново под луною:
Что есть, то было, будет век.
И прежде кровь лилась рекою,
И прежде плакал человек.

Н.М. Карамзин

Ничто не ново под луной. Переселение народов – явление хорошо известное мировой истории. Великое переселение народов (IV – VII века) стало одной из главных причин распада Римской империи – сильнейшего государственного образования того времени. Современное переселение больших людских масс только получает своё развитие, но уже наводит на мысль: «А уцелеет ли в результате него западноевропейская цивилизация?».

Если ранее на разрушение за счёт «вливания чуждого» уходило столетия, сегодня, при невероятном ускорении всех социальных процессов, для этого потребуется лишь несколько десятков лет. Как отмечает Х. Кури, проблема беженцев в Германии и других индустриальных западных странах, начиная приблизительно с 2015 года, приобрела значение центральной политической и практической [4].

Причины современных глобальных миграционных процессов. На различных уров-

нях воронки преступности [5] мы обнаруживаем противоречия, порождающие волны нынешних переселений. Д.А. Шестаков замечает: глобальная олигархическая власть (ГОВ), по-видимому, использует социальную группу переселенцев для сохранения своего мирового господства, в частности, через поддержку террористической и экстремистской деятельности. Налицо противоречие между интересами мировой олигархии и человечества в целом [6, с. 13].

К настоящему времени можно говорить о завершении построения ГОВ псевдогосударства, в рамках которого численность населения Земли искусственно сокращают до количества, необходимого глобальной олигархии для обслуживания собственных нужд [1, с. 60].

Переселенцы, осваиваясь на новых пространствах, по замыслу ГОВ быстро вытеснят, заместят собой интеллектуально, культурно и духовно более развитые народы, способные

активнее противостоять преступной деятельности глобальной власти. Выполнив свою разрушительную по отношению к коренному населению роль, мигранты будут устранены ГОВ. Например, путём мировой эпидемии, которой они, в силу своего слабого научно-технического развития, не смогут противостоять.

Противодействие инородному влиянию.

Терпимость к переселенцам должна быть умеренной [2], позволяющей коренным жителям, их обществу развиваться. Отвечать на удары глобальной олигархии необходимо на государственном и международном уровнях.

Русским специалистам, следуя предложению Д.А. Шестакова, надлежит разработать методику количественно-качественного определения критического, в том числе в свете преступноведения, числа переселенцев и, на её основе, установить законодательный запрет на его превышение [6, с. 16].

Требуется провести криминологическую экспертизу Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в том числе, на предмет её соответствия требованиям о критическом числе переселенцев, и, в соответствии с ней, выстраивать отношения с ними.

Иные страны, если они желают сохранить свою государственность, также должны опираться в своей миграционной политике на вышеобозначенную методику.

На площадке ООН должна быть оглашена для своего последовательного разрешения центральная криминологическая проблема современности – засилье ГОВ во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Необходимо принять Конвенцию о запрещении деятельности частных транснациональных корпораций (ТНК). Они должны быть национализированы. Это крайняя, но безальтернативная мера, которая позволит изъять многие преступные рычаги управления из рук представителей мировой олигархии. В преамбуле Конвенции следует указать обоснование её принятия – угроза существованию человечества со стороны ТНК.

Кроме того, в данном документе, в целях недопущения вытеснения людей робототехникой, требуется предусмотреть положения о задействовании человека не менее чем в 70 % всех производственных процессов. Эту криминологическую границу прогресс не должен переступать. При вовлечении населения в занятие производственной деятельностью и сферу услуг в рамках от 70 до 100 % от таковых оно будет находиться в состоянии умеренной терпимости к прогрессу. Заступ за эти границы ведёт к активному воспроизводству преступлений, фактической ненужности человека как такового, его исчезновению как вида [3, с. 65].

Побывав в мае этого года в Париже, в очередной раз – третий – я наблюдал печальную картину того, как быстро в худшую сторону меняется столичное французское общество. Коренные жители задавлены переселенцами из разных частей света. Франции, если она и дальше пойдёт по пути ущербной для себя терпимости к чужакам, очень скоро может не стать. Для России такого сценария я не желаю. Надеюсь, миграционные волны разобьются о криминологически обоснованные волнорезы социальной политики нашего государства.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов А.П. Вмешательство в государственный суверенитет как звено глобальной политической преступной деятельности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (47). С. 59–62.
2. Данилов А.П. Преступноведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 27–30.
3. Данилов А.П. Прогресс как криминогенный фактор // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4 (43). С. 64–68.
4. Кури Х. Интеграция беженцев в Германии – возросла ли криминальная нагрузка? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 37–45.
5. Шестаков Д.А. Обусловленность качества профилактической деятельности милиции // «Криминология: вчера, сегодня, завтра». 2006. № 2 (11). С. 9–16.
6. Шестаков Д.А. Преступность сферы миграции // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 2 (49). С. 13–18.

REFERENCES

1. *Danilov A.P.* Vmeshatelstvo v gosudarstvenniy suverenitet kak zveno globalnoy politicheskoy prestupnoy deyatel'nosti. [Interference in state sovereignty as an element of the global political criminal activity]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 4 (47), pp. 59–62.
2. *Danilov A.P.* Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti). [Criminological theory of tolerance]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, no. 4 (39), pp. 27–30.
3. *Danilov A.P.* Progress kak kriminogenniy factor. [Progress as a criminogenic factor]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2016, no. 4 (43), pp. 64–68.
4. *Kury H.* Integratsiya bezhentshev v Germanii – vozrosla li kriminalnaya nagruzka? [Integration of refugees in Germany – has the criminal burden increased?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 1 (48), pp. 37–45.
5. *Shestakov D.A.* Obuslovlennost kachestva profilakticheskoy deyatel'nosti militsii. [Conditionality of quality in militia prevention activities]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2006, no. 2 (11), pp. 9–16.
6. *Shestakov D.A.* Prestupnost sfery migratsii. [Crime of the sphere of migration]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 2 (49), pp. 13–18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Петрович Данилов – кандидат юридических наук, заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: danilov-a1@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Andrey Petrovich Danilov – PhD in Laws, deputy president of the Saint-Petersburg International Criminology Club (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: danilov-a1@mail.ru

СЕМЕЙНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

Э. Гондолф

**РЕАБИЛИТАЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ
ПРИ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ:
ИЗУЧЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРОГРАММ
НА ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРОГРАММНЫЕ ПОДХОДЫ
И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ВОПРОСЫ¹**

Аннотация: После проведения собеседований с руководителями программ для лиц, совершающих внутрисемейные преступления, стало понятно, что реализация данных реабилитационных программ является непростой задачей.

Ключевые слова: реабилитационные программы; семейная криминология; оценка программы; насилие в отношении женщин.

E. Gondolf

**REHABILITATION PROGRAMS FOR FAMILY CRIME:
A STUDY OF PROGRAM LEADERS' PERSPECTIVES ON PRO-
GRAM APPROACH AND RELATED ISSUES**

Summary: After conducting interviews with managers of programs for people who commit domestic crimes, it became clear that the implementation of these rehabilitation programs is a difficult task.

Key words: rehabilitation programs; family criminology; program evaluation; violence against women.

Споры относительно эффективности реабилитационных программ. Последние 30 лет реабилитационные программы, которые также называют программами для лиц, совершающих внутрисемейные преступления (batterer programs), стали рассматриваться в США и многих европейских странах в качестве основного способа противодействия внутрисемейным преступлениям.

Указанные программы включают в себя образовательные упражнения, консультации, терапевтические средства для мужчин, арестованных по обвинению в насильственных действиях и жестоком обращении с партнёрами женского пола (жёны, сожительницы). В большинстве городов США суд направляет

мужчин для прохождения указанных программ в виде еженедельных двухчасовых групповых занятий. Они могут назначаться на срок от 3 месяцев до 1 года, что зависит от законодательства штата и уголовных обвинений, предъявляемых мужчине [2].

Цели реабилитационных программ – напомнить арестованному о необходимости нести ответственность за своё поведение, обучить способам, позволяющим избежать применения насильственных действий, помочь мужчинам пересмотреть собственную систему ценностей и взглядов, лежащих в основе поведения, приводящего к противоправным насильственным действиям, в особенности, взглядов, исходящих из искажённых представлений о мужественности и женственности [19].

Один или двое специально обученных консультантов проводят еженедельное групповое занятие с участием 10–15 мужчин, в котором

¹ Перевод с английского выполнен Валерием Анатольевичем Звонарёвым (Санкт-Петербург, Россия).

сочетаются такие способы обучения, как разнообразные задания, обсуждения. Представители программ для женщин занимаются оказанием поддержки, информированием и консультированием женщин-партнёров мужчин-правонарушителей. За проведение указанных программ отвечают, главным образом, районные государственные учреждения, в некоторых случаях, психиатрические клиники.

Несмотря на широкое распространение и развитие таких программ, на сегодняшний день они вызывают всё больше споров [8]. Критики реабилитационных программ считают их неэффективными, подлежащими замене психиатрическими методами лечения, семейным консультированием или взятием под стражу [13].

Споры приобрели ещё больший накал после возникновения направления за использование так называемых «доказательных подходов»: предъявляются требования о научном подтверждении эффективности таких программ для обоснования их дальнейшего финансирования [10].

Полагающими, что программы неэффективны, было проведено 4 экспериментальных исследования. Сравнивались частота повторных арестов и количество заявлений от жертв преступников-мужчин, которых распределили случайным образом: одних – для участия в программе консультирования, других – для пробационного надзора без какого-либо консультирования [12]. Итоги исследований указывают на весьма похожие результаты по обеим группам через 6–12 месяцев после начала исследования.

С другой стороны, проведённое нами комплексное статистическое моделирование по данным многоцентровой базы наблюдений за испытуемыми с учётом выпадающих из программы участников указывает на значимое снижение частоты применения мужчинами физического и психического насилия благодаря применению указанных программ [6; 7].

Ранее мной был предложен обзор исследований по программам для лиц, совершающих внутрисемейные преступления, в свете применения «доказательных практик» [9]. Научный анализ позволяет увидеть недостатки проведённых экспериментальных исследований: разнообразные методологические просчёты, высокие ожидания от данных программ. Наш же анализ указывает на рост чис-

ла случаев, подтверждающих эффективность реабилитационных мероприятий в семейной сфере, при этом необходим когнитивно-поведенческий групповой подход, учитывающий половую принадлежность, управление рисками, координированную реакцию сообщества.

В России на протяжении многих лет такие реабилитационные программы находятся в поле зрения Д.А. Шестакова [20], выступившего за то, чтобы уголовно-правовой институт примирения обвиняемого в преступлении с потерпевшим законодательно увязать с медиацией [21, с. 23]. Он критикует программы за их «односторонне феминистский» подход, полагая, что профилактику надо проводить в отношении не одних лишь мужчин, а обоих участников конфликта с учётом известной истины: «когда двое ссорятся, оба неправы» [21, с. 23].

Исследование взглядов руководителей программ. В качестве следующего шага представляется логичным и важным использование знаний, наблюдений и опыта практических специалистов, имеющих у них «доказательств» для обсуждения эффективности подобных программ. Мы провели исследование мнений основателей и руководителей программ для лиц, совершающих внутрисемейные преступления, в США.

Для проведения исследования были отобраны 24 руководителя программ. Исходный список планируемых к собеседованию лиц был передан персоналу, работающему в нескольких наиболее известных программах, для внесения дополнений и верификации. Критериями отбора опрашиваемых являлись: срок работы в данной сфере – от 20 лет (не менее половины из них имели опыт работы около 30 лет); отличная организация руководителем реабилитационной деятельности; наличие значительного авторитета, заработанного посредством тренингов, выступлений и публикаций. Также принимались во внимание такие аспекты, как географическое представительство, ориентация программы и многоплановость её акцентов.

Различные акценты – это элементы программных подходов, которые были описаны в сборниках программ [15; 1] и национальных опросах по программам для лиц, совершающих внутрисемейные преступления [13; 16]. К данным элементам относятся, например, объединение клинических методов, ориенти-

рование активистов, образовательная деятельность.

Полуформализованное собеседование занимало около полутора часов. Оно проводилось на основании предварительно составленных вопросов, касающихся мотивации респондента, применяемого им программно-го подхода, его соображений по специальным темам (психопатология, женское насилие, оценка рисков), отношения к «доказательным» практикам, рекомендаций по совершенствованию обсуждаемой предметной области.

Полученное интервью использовали для выявления ключевых положений в ответах на вопросы. Ниже я приведу основные результаты, касающиеся программного подхода и основных проблем, с которыми сталкиваются специалисты, работающие в этой сфере. Дополнительные результаты и полный текст собеседований представлены в одной из моих книг [11].

Программный подход. При поверхностном рассмотрении респонденты представляют собой множество разноплановых специалистов. Они используют разнообразные термины для описания применяемого программного подхода: гендерный, когнитивно-поведенческий, психо-образовательный, сила и контроль, концептуальная ясность, трансформирующее консультирование, переобучение равных, ненасильственная коммуникация, эклектичный метод.

Большая часть из них рассматривает свою деятельность как долгосрочное консультирование или обучение. При этом они признают, что большинство мужчин предпочитали минимально возможное количество визитов к ним, согласно требованиям соответствующего судебного органа. Во многих программах используется поэтапная модель, в некоторых работают модераторы мужского и женского пола, и очень немногие полагаются на работу с привлечением равных консультантов (под таковыми понимаются специалисты, обладающие равными характеристиками с консультируемыми (имеющие личный жизненный опыт применительно к сфере консультирования) – *прим. ред.*).

Также используются самые разные методы, включая журналы контроля, ролевые игры, упражнения по истории насилия и отчёты равных. Несколько программ оказались относительно неструктурированными.

Несмотря на эти различия, наблюдаются поразительно сходные черты в разных программных подходах, описанных респондентами, позволяющие предположить наличие сближающего начала. Руководители всех программ, даже наиболее клинически ориентированных, основывались на гендерном или феминистском подходе. То есть они рассматривают домашнее насилие как социальную проблему, корни которой лежат в наделении правами мужчин в отношении женщин, контроле первыми вторых.

С этой точки зрения семейное насилие является продолжением повсеместного наблюдаемого насилия: изнасилования в студенческих общежитиях, торговля сексуальными услугами, похищения женщин, множественные эпизоды стрельбы в школах, садистская порнография, сексуальные домогательства, угрозы / применение насилия среди военнослужащих. В подавляющем большинстве случаев это насилие осуществляется мужчинами в отношении женщин.

Все респонденты признали, что мужчинам мешает или даже вредит чувство искажённой или избыточной мужественности. В частности, у них наблюдается тенденция игнорировать собственные эмоции и состояние физического здоровья. Их склонность к рискованному поведению, агрессии и насилию также несёт для них опасность.

Хотя безопасность партнёров женского пола и детей однозначно представляется вопросом первостепенной важности, все руководители программ в качестве своей основной задачи рассматривают помощь мужчинам в приобретении более здоровых, смягчённых, гибких и осознанных установок.

Выражение уважения. При разъяснении данного аспекта представляется важным обратить внимание на то, что он включает в себе намного больше нюансов, нежели правонарушители осознают или признают. Даже модель Дулута (часто некорректно интерпретируемая как в высокой степени инструктивная, агрессивная и структурированная) поощряет и полагается на уважение, причастность, групповое обсуждение, общение и самоосознание [14; 15].

По сути, указанные элементы включают в себя понятие «терапевтический альянс» – в принципе, ключевой для психотерапии термин. Они моделируют то, чему необходимо

научиться в первую очередь – уважительно-му отношению, умению слушать и общаться с другими, особенно с партнёром-женщиной в паре и с женщинами в целом. А это умение помогает оценить значимость опасений, имеющихся у мужчин, ослабить их защитные барьеры и создать ощущение контакта – как минимум, для существенной части мужчин.

Во время групповой работы используются «дружественное противостояние», вопросы, задаваемые по ходу беседы, и целенаправленная критическая оценка с обсуждением глубинных представлений и связанных с ними переживаний. Руководители программ отдельно отмечали, что всё это делается не для вызова чувства стыда, а чтобы помочь мужчине посмотреть на себя со стороны, принять ответственность за своё поведение и присоединиться к процессу изменения себя. И вот что интересно: практически все руководители программ с течением времени изменили свой подход на более уважительный, отказавшись от агрессивного стиля работы первых лет.

Реабилитационные мероприятия как система. Все как один руководители программ рассматривают свои программы также как часть системы реабилитационных мероприятий, опирающейся на разветвлённую сеть различных служб и включённой в культурные нормы и ожидания локального сообщества. Данные программы представляются чем-то существенно большим, нежели просто «оказываемыми услугами» или биомедицинской терапией.

На результативность программ влияет всё: действия полиции, надзор за деятельностью суда, изучение участников программ, оказание консультативной помощи и услуг потерпевшим, консультационные центры, реагирование на несоблюдение требований, пробационный надзор, управление рисками, вспомогательные социальные службы и так далее. Изначально акцент делается на работу с судами с тем, чтобы обеспечить неотвратимость наказания и выработать чувство ответственности у мужчин. В этом смысле реализуется элемент «кнут», согласно классическому методу «кнута и пряника», целью которого является изменение поведения.

Что очень важно, большинство руководителей программ также считают необходимым в своей работе обеспечить сотрудничество женщин с соответствующими службами.

Это требуется для получения более полного представления о взаимоотношениях женщин с мужчинами с точки зрения безопасности и динамики таковых. Однако некоторые признают, что связь с этими службами может быть сопряжена с противоречиями и женскими подозрениями: действительно ли программы для лиц, совершающих внутрисемейные преступления, учитывают опасения женщины или они просто создают у неё ложное чувство безопасности?

Психопатология. Ещё одна область, в отношении которой, в целом, наблюдается консенсус, но при этом мы получили разные ответы – это вопрос о психопатологических нарушениях у участников программ. Все руководители программ признали, что некоторые мужчины страдают от психологических проблем, им необходимо углубленно их рассмотреть. Однако, как правило, они расценивают долю таких участников как относительно небольшую.

Более клинически ориентированные программы для лиц, совершающих внутрисемейные преступления, пытаются решать эти проблемы, уделяя им особое внимание на групповых встречах или во время дополнительных индивидуальных занятий. В других программах, по утверждению руководителей, таких мужчин, если, как представляется, им требуется дополнительная помощь, направляют в иные вспомогательные службы.

Такой подход может быть реализован при помощи расширенного первичного собеседования, включающего оценку дополнительных проблем, или посредством наблюдения за поведением участника на групповых занятиях с целью выявления показаний к дальнейшим терапевтическим вмешательствам. В некоторых программах также используются инструменты оценки рисков или оцениваются известные факторы риска с целью идентификации потенциально наиболее опасных случаев, однако при этом какая-либо единая или систематическая процедура управления рисками отсутствует.

Более клинически ориентированные программы работают с личностными нарушениями, психическими травмами, депрессиями, однако в большинстве случаев основной упор делается на мужчин с социопатическими наклонностями и упорно сопротивляющихся используемым методам. Такие мужчины

нуждаются в более интенсивном наблюдении, начиная с периода условного осуждения, или участия в специализированных группах, созданных только в небольшой части программ для лиц, совершающих внутрисемейные преступления.

Имеется, как минимум, некоторое неявное понимание того, что проблемные случаи идеально решать посредством согласованных действий локального сообщества. Другими словами, связь и коммуникация между адвокатами пострадавших, персоналом судов, работниками программ для лиц, совершающих внутрисемейные преступления, и клиническими учреждениями помогает справляться с резистентными или высокорисковыми случаями за счёт широкомасштабного вмешательства, а не просто за счёт участия в какой-либо отдельной программе.

Биографический контекст. Сопереживание, на которое ссылались респонденты, распространяется и на иные формы «непохожести». Руководители программ выражали озабоченность относительно культурных и социальных различий между афроамериканцами, латиноамериканцами, американскими индейцами и лицами гомосексуальной ориентации, а также женщинами, обвинёнными в насильственных действиях. На самом деле, собеседования проводились и с руководителями, разработавшими специализированные программы для таких подгрупп, и с теми, кто в одной группе собирал лиц с различным культурно-социальным фоном.

В целом создаётся ощущение, что имеются и общие для таких групп проявления дискриминации, существование которых необходимо признать, и чувство сопереживания, которое должны продемонстрировать как члены группы, не относящиеся к таким подгруппам, так и модераторы. Один из руководителей пояснил, что самое главное – это собрать мужчин с разным культурно-социальным фоном в группе и внимательно выслушивать их, чтобы разобраться, какие проблемы у них есть.

Особого внимания заслуживает тот факт, что очень многие из таких мужчин, с разным опытом и образованием, сами являются стороной, пострадавшей от насилия или жестокого обращения, и, соответственно, от связанной с этим травматизации. Многие афроамериканские мужчины подвергались нападениям банд, переживали убийства род-

ственников или друзей. Латиноамериканцы были жертвами нападений, заключёнными – в процессе иммиграции в США. Значительная часть индейцев страдает от бедности, алкоголизма и депрессии, что исторически связано с системой резерваций в США.

Очевидно, есть некоторые преимущества, если работать с такими мужчинами в условиях, когда существует возможность сконцентрироваться на их личной ситуации, но и у смешанных групп также есть свои сильные стороны, поскольку на поверхность выходят аспекты, общие с другими группами. В любом случае, социальные, этнические и расовые отличия всё также требуют больше внимания и соответствующей адаптации реабилитационных программ.

Женские преступления. Ещё один спорный момент, с которым сталкиваются существующие программы для мужчин, касается выражаемого некоторыми исследователями мнения о том, что женщины способны к насильственным действиям не меньше мужчин, что терапия для лиц, обвиняемых в семейном насилии, должна в итоге включать женщин или, как минимум, при этом должны применяться гендерно-нейтральные методы для пар.

Такие утверждения обсуждались и в итоге после проведения национального опроса по «конфликтным тактикам», в котором данный вопрос поднимался в начале 1980-х, были дезавуированы [18]. Руководители, основавшие и разработавшие известные реабилитационные программы для мужчин, признают существование женского насилия, однако, что не удивительно, рассматривают его по-другому. Как утверждают многие исследователи, женское насилие представляется менее жестоким, чаще связанным с ранее перенесённым жестоким обращением, и связанные с ним мотивации и переживания существенно отличаются от таковых у мужчин в группах [17].

Как сказал один из последних респондентов, программы для женщин, применивших силу в отношении своего партнёра, разрабатываются по всей стране и указывают на совершенно иные способы реализации насильственных действий, переживания, им способствовавшие. Более того, руководители программ для мужчин незамедлительно говорили о значимости контекста при обсуждении вопросов семейного насилия, в котором в по-

давляющем большинстве случаев, в общем и целом, речь идёт именно о насилии со стороны мужчин. Преобладание мужского насилия само по себе позволяет говорить о гендерной природе огромной доли насильственных преступлений против женщин.

Повышение эффективности реабилитационных программ. Руководители программ неизменно подчёркивают значимость сотрудничества с локальным сообществом в вопросах обуздания насилия против женщин, а также рекомендуют действовать более активно с тем, чтобы устранить мешающие этому барьеры. Также высказывается пожелание по интенсификации усилий, направленных на профилактику насилия против женщин, посредством образовательных инициатив и организованных действий локального сообщества.

Несколько руководителей поднимали вопрос о необходимости расширения контактов, связываясь с прочими социальными движениями и организациями, что позволит задействовать рычаги, ведущие к более масштабным изменениям как на локальном уровне, так и на уровне общества в целом.

Одно общее отправное утверждение высказывалось большинством опрошенных руководителей: в более широкой и решительной форме необходимо озвучивать отстаиваемые ими убеждения, рассказывать о своей работе, о том, почему они занимаются этим делом. Это поможет подтвердить устоявшиеся принципы работы, избавиться от неправильной интерпретации деятельности в рамках реабилитационных программ, поспособствует дальнейшему развитию данной области.

Закключение. В значительной степени неоднозначное отношение к реабилитационным программам для лиц, совершающих внутрисемейные преступления, их эффективности подпитывается немногочисленными и спорными публикациями по оценке таких программ, а также стереотипным их пониманием.

Проведённое нами исследование, в рамках которого были опрошены руководители

программ, позволило получить некоторые встречные доказательства, говорящие, скорее, в пользу необходимости использования более комплексного подхода при реализации программ. Хотя у длительно существующих программ наблюдаются некоторые отличия друг от друга, также имеются и весьма заметные сходные черты.

Программы рассматривают внутрисемейные насильственные преступления и, в частности, насилие против женщин, как социальную проблему, направлены на решение индивидуальных психологических сложностей людей. Кроме того, руководители программ указывают на необходимость стимуляции интерактивного процесса между участниками программы в рамках того или иного подхода. Они также подчёркивают, что развитие программ идёт в сторону «дружественного противостояния», когда мы сопереживаем травме мужчины, и одновременно подвергаем критике его противоправное поведение.

Всё больше усилий направляется на решение проблемы женского насилия в рамках отдельных программ для женщин. Значительное внимание уделяется вопросам расового и этнического разнообразия участников. Самое важное – программы для правонарушителей-мужчин рассматриваются как ответ локального сообщества. При этом ключевую роль играет его сотрудничество со службами для женщин и судебными органами.

Идеально было бы организовать работу по расширению границ локального сообщества с целью изменения у населения отношения к проблемам, в которых коренится насилие, с одновременным проведением реабилитационных мероприятий на уровне отдельных правонарушителей. Полученные результаты позволяют говорить о том, что данные программы должны быть не некими изолированными реабилитационными мероприятиями, а представлять собой основу для более масштабного сотрудничества на уровне локального сообщества.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aldarondo, E. & Mederos, F. (2002). Programs for men who batter: Intervention and prevention strategies in a diverse society. Kingston, NJ: Civic Research Institute.
2. Bennett, L., & Piet, M. (1999). Standards for batterer intervention programs. *Violence Against Women*, 5, 6–24.

3. *Caesar, P., & Hamberger, L.* (Eds.) (1989). *Treating men who batterer: Theory, practice, and programs.* New York: Springer Publications.
4. *Corvo, K., & Johnson, P.* (2013). Sharpening Ockham's Razor: The role of psychopathology and neuropsychopathology in the perpetration of domestic violence. *Aggression and Violent Behavior, 18*, 175–182.
5. *Dutton, D., & Corvo, K.* (2006). Transforming a flawed policy: A call to revive psychology and science in domestic violence research and practice. *Aggression and Violent Behavior, 11*, 457–483.
6. *Gondolf, E.* (2002). *Batterer intervention systems: Issues, outcomes, and recommendations.* Thousand Oaks: Sage Publications.
7. *Gondolf, E.* (2004). Evaluating batterer counseling programs: A difficult task showing some effects. *Aggression and Violent Behavior, 9*, 605–631.
8. *Gondolf, E.* (2007). Theoretical and research support for the Duluth Model: A reply to Dutton and Corvo. *Aggression and Violent Behavior, 12*, 644–657.
9. *Gondolf, E.* (2012). *The future of batterer programs: Reassessing evidence-based practice.* Boston: Northeastern University Press.
10. *Gondolf, E.* (2015a). The evidence-based practice movement: Contributions and controversies. In R. Scott & S. Kosslyn (Eds.), *Emerging trends in the social and behavioral sciences.* Hoboken, NJ: John Wiley and Sons.
11. *Gondolf, E.* (2015b). *Gender-based perspectives on batterer programs: Program leaders on history, approach, research, and development.* Lanham, Maryland: Lexington Books.
12. *Jackson, S., Feder, L., Forde, D., Davis, R., Maxwell, C., & Taylor, B.* (2003). *Batterer intervention programs: Where do we go from here? (NIJ Special Report).* Washington, DC; National Institute of Justice, U.S. Department of Justice.
13. *Labriola, M., Rempel, M., O'Sullivan, C., & Frank, P.* (2007). *Court responses to batterer program non-compliance: A national perspective. Final report submitted to the National Institute of Justice, Washington, DC.*
14. *Paymar, M.* (2000). *Violent no more: Helping men end domestic abuse, 2nd edition.* Alameda, CA: Hunter House.
15. *Pence, E.* (1989). *Batterer programs: Shifting from community collusion to community confrontation.* In P. Caesar & L. Hamberger (Eds.), *Treating men who Batterer: Theory, practice, and programs.* New York: Springer Publications.
16. *Price, B., & Rosenbaum, A.* (2009). *Batterer intervention programs: A report from the field.* *Violence and Victims, 24*, 757–769.
17. *Saltzman, L.* (2004). Definitional and methodological issues related to trans-national research on intimate partner violence. *Violence Against Women, 10*, 812–830.
18. *Straus, M., Gelles, R., & Steinmetz, S.* (1980). *Behind closed doors: Violence in the American family.* New York: Doubleday.
19. *Thorne-Finch, R.* (1992). *Ending the silence: The origins and treatment of male violence against women.* Toronto, Canada: University of Toronto Press.
20. *Шестаков Д.А.* Семейная психотерапия и предупреждение преступлений (к вопросу о групповом уровне криминологической профилактики) // Вестник ЛГУ. 1989. № 6. С. 56–61.
21. *Шестаков Д.А.* Теоретические основы семейной криминологии в применении к противодействию внутрисемейным насильственным преступлениям // Социально-психологические, уголовно-правовые и криминологические проблемы семейно-бытового насилия. Материалы международной научно-практической конференции. Баку: Академия полиции Азербайджана, 2016.

REFERENCES

1. *Aldarondo, E. & Mederos, F.* (2002). *Programs for men who batter: Intervention and prevention strategies in a diverse society.* Kingston, NJ: Civic Research Institute.
2. *Bennett, L., & Piet, M.* (1999). Standards for batterer intervention programs. *Violence Against Women, 5*, 6–24.
3. *Caesar, P., & Hamberger, L.* (Eds.) (1989). *Treating men who batterer: Theory, practice, and programs.* New York: Springer Publications.
4. *Corvo, K., & Johnson, P.* (2013). Sharpening Ockham's Razor: The role of psychopathology and neuropsychopathology in the perpetration of domestic violence. *Aggression and Violent Behavior, 18*, 175–182.
5. *Dutton, D., & Corvo, K.* (2006). Transforming a flawed policy: A call to revive psychology and science in domestic violence research and practice. *Aggression and Violent Behavior, 11*, 457–483.
6. *Gondolf, E.* (2002). *Batterer intervention systems: Issues, outcomes, and recommendations.* Thousand Oaks: Sage Publications.
7. *Gondolf, E.* (2004). Evaluating batterer counseling programs: A difficult task showing some effects. *Aggression and Violent Behavior, 9*, 605–631.

8. *Gondolf, E.* (2007). Theoretical and research support for the Duluth Model: A reply to Dutton and Corvo. *Aggression and Violent Behavior*, 12, 644–657.
9. *Gondolf, E.* (2012). *The future of batterer programs: Reassessing evidence-based practice*. Boston: Northeastern University Press.
10. *Gondolf, E.* (2015a). The evidence-based practice movement: Contributions and controversies. In R. Scott & S. Kosslyn (Eds.), *Emerging trends in the social and behavioral sciences*. Hoboken, NJ: John Wiley and Sons.
11. *Gondolf, E.* (2015b). *Gender-based perspectives on batterer programs: Program leaders on history, approach, research, and development*. Lanham, Maryland: Lexington Books.
12. *Jackson, S., Feder, L., Forde, D., Davis, R., Maxwell, C., & Taylor, B.* (2003). *Batterer intervention programs: Where do we go from here?* (NIJ Special Report). Washington, DC; National Institute of Justice, U.S. Department of Justice.
13. *Labriola, M., Rempel, M., O'Sullivan, C., & Frank, P.* (2007). *Court responses to batterer program non-compliance: A national perspective*. Final report submitted to the National Institute of Justice, Washington, DC.
14. *Paymar, M.* (2000). *Violent no more: Helping men end domestic abuse*, 2nd edition. Alameda, CA: Hunter House.
15. *Pence, E.* (1989). *Batterer programs: Shifting from community collusion to community confrontation*. In P. Caesar & L. Hamberger (Eds.), *Treating men who Batterer: Theory, practice, and programs*. New York: Springer Publications.
16. *Price, B., & Rosenbaum, A.* (2009). *Batterer intervention programs: A report from the field*. *Violence and Victims*, 24, 757–769.
17. *Saltzman, L.* (2004). *Definitional and methodological issues related to trans-national research on intimate partner violence*. *Violence Against Women*, 10, 812–830.
18. *Straus, M., Gelles, R., & Steinmetz, S.* (1980). *Behind closed doors: Violence in the American family*. New York: Doubleday.
19. *Thorne-Finch, R.* (1992). *Ending the silence: The origins and treatment of male violence against women*. Toronto, Canada: University of Toronto Press.
20. *Shestakov D.A.* *Semeynaya psikhoterapiya i preduprezhdenie prestupleniy (k voprosu o gruppovom urovne kriminologicheskoy profilaktiki)*. [Family psychotherapy and crime prevention (on the issue of the group level of criminological prevention)]. *Vestnik LGU – Bulletin of Leningrad State University*. 1989, no. 6, pp. 56–61.
21. *Shestakov D.A.* *Teoreticheskie osnovy semeynoy kriminologii v primenenii k protivodeystviyu vnutrisemeynym nasilstvennym prestupleniyam*. [Theoretical basics of family criminology in application to counteracting domestic violent crimes]. *Sotsialno-psikhologicheskie, ugovno-pravovye i kriminologicheskie problemy semeyno-bytovogo nasiliya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Baku: Akademiya politzii Azerbaydzhana, 2016.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Эдвард Гондолф – доктор психологии, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, почётный профессор социологии Индианского университета Пенсильвании (Индиана, США); e-mail: egondolf@iup.edu

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Edward Gondolf – Doctor of Psychology, honorary professor of the St.-Petersburg International Criminology Club, Emeritus Professor of Sociology Indiana University of Pennsylvania (Indiana, USA); e-mail: egondolf@iup.edu

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Назаренко

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация: В России на постоянной основе проводятся мероприятия, направленные на предупреждение террористических преступлений. Во многих городах выполняются специализированные программы по недопущению распространения в обществе экстремистских взглядов, предотвращению втягивания молодежи в террористические организации.

Ключевые слова: противодействие терроризму; международное сотрудничество; национальная идея; родолюбие.

D.A. Nazarenko

SOME ASPECTS OF COUNTER-TERRORISM IN THE CONTEMPORARY WORLD

Summary: In Russia, measures aimed at preventing terrorist crimes are constantly being carried out. In many cities, special programs are implemented to prevent the spread of extremist views in society and the involvement of young people in terrorist organizations.

Key words: counteraction to terrorism; international cooperation; national idea; rodolyubie.

Несмотря на довольно давнюю историю терроризма, международно-правовые документы, регулирующие деятельность, направленную на предотвращение террористических угроз, стали приниматься лишь во второй половине XX века. Среди таковых стоит выделить 19 международных соглашений, разработкой которых занималась Организация Объединённых Наций (ООН) и Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ):

1) *Документы, касающиеся гражданской авиации:* Конвенция 1963 года о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов; Конвенция 1970 года о борьбе с незаконным захватом воздушных судов; Конвенция 1971 года о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации; Протокол 1988 года о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации; Конвенция 2010 года о борьбе с незаконными актами в отношении

международной гражданской авиации; Протокол 2010 года, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов; Протокол 2014 года, изменяющий Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов;

2) *Документ, касающийся международной защиты должностных лиц:* Конвенция 1973 года о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов;

3) *Документ, касающийся захвата заложников:* Международная конвенция 1979 года о борьбе с захватом заложников;

4) *Документ, касающийся ядерного материала:* Конвенция 1980 года о физической защите ядерного материала (с поправками 2005 года);

5) *Документы, касающиеся морского судоходства:* Конвенция 1988 года о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства; Протокол 2005 года к Конвенции о борьбе с неза-

конными актами, направленными против безопасности морского судоходства; Протокол 1988 года о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе; Протокол 2005 года к Протоколу о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе;

6) *Документ, касающийся взрывчатых веществ*: Конвенция 1991 года о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения;

7) *Документ, касающийся бомбового терроризма*: Международная конвенция 1997 года о борьбе с бомбовым терроризмом;

8) *Документ, касающийся финансирования терроризма*: Международная конвенция 1999 года о борьбе с финансированием терроризма;

9) *Документ, касающийся ядерного терроризма*: Международная конвенция 2005 года о борьбе с актами ядерного терроризма [2].

Другим международно-правовым документом, направленным на предупреждение актов терроризма, является Конвенция Совета Европы «О предупреждении терроризма» от 16.05.2005 года. Она регулирует следующие вопросы: криминализацию отдельных преступлений (вербовка террористов, подготовка террористов, публичное подстрекательство к совершению террористического преступления); санкции и меры, которые могут применяться к виновным; международное сотрудничество в сфере предупреждения терроризма; порядок проведения расследования относительно фактов международного терроризма и другое.

Несмотря на закрепление широкого спектра контртеррористических мер, уровень террористических угроз в мире постоянно растёт. Об этом свидетельствует, например, карта террористических угроз, выпускаемая МИД Великобритании. Согласно данным этого ведомства, высокая угроза терактов на сегодня существует в 45 странах мира. Самый высокий уровень угрозы – во Франции. Уровень опасности в 2017 году увеличился в Косово, Маврикий, Сингапуре, США, а упал в Эфиопии, Греции и Ирландии [5].

Исследование «Глобальный индекс терроризма» («Global Terrorism Index»), проводимое Институтом экономики и мира совместно с

Университетом Мэриленда (США), содержит выводы об основных глобальных тенденциях терроризма. Оно охватывает период с 2000 по 2017 год. Согласно данным исследования:

– количество жертв террористических актов в мире в период с 2015 по 2016 год сократилось на 13 %, в 2016 году было зарегистрировано 25 673 случая смерти. С момента пика в 2014 году смертность от актов терроризма в настоящее время снизилась на 22 %;

– в 4 из 5 стран с самым высоким уровнем терроризма зафиксировано сокращение числа жертв от него: в Афганистане, Нигерии, Сирии и Пакистане. Если добавить сюда Ирак, то на эти 5 государств придётся три четверти всех смертей от терроризма в 2016 году;

– сокращается смертность от терроризма в Йемене, Афганистане и Сирии, в которых в совокупности в 2016 году было на 500 погибших меньше, нежели в 2015 году;

– за 2017 год в 77 странах мира имелся хотя бы один погибший от акта терроризма. Этот показатель, по сравнению с 2015 годом, увеличился: тогда таких стран было 65 [1].

Эксперты отмечают, что за последние 17 лет терроризм широко распространился в государствах, где имеют место внутренние военные конфликты или напряжена политическая обстановка. За последние 10 лет увеличилось число террористических актов, совершённых смертниками-одиночками [1].

Федеральный закон от 06.03.2018 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» предусматривает положение, согласно которого возмещение вреда, включая моральный вред, причинённого в результате террористического акта, осуществляется в порядке, установленном законодательством РФ о гражданском судопроизводстве, за счёт средств лица, совершившего террористический акт, а также за счёт средств его близких родственников, родственников и близких лиц при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены ими в результате террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества (п. 1.1. ч. 1 ст. 18).

По мнению И.А. Орлова такие финансовые меры помогут в деле предупреждения терактов. Учёный приводит пример Израиля, где потенциальных боевиков отпугивает ответственность, которую за их поступки понесут близкие. Да и сами родные внимательнее сле-

дят за подозрительным поведением своих радикально настроенных членов семьи [3].

Как нам представляется, ещё более эффективными мерами, направленными на противодействие терроризму, являются меры идеологические. Как отмечает Д.А. Шестаков, духовно-нравственная сфера может противостоять преступности, если она имеет сплачивающую население *национальную идею*, включающую в себя осознание прошлых достижений и общей грядущей цели, связанной с обретением достойного места в мировом пространстве. Для становления данной идеи требуется осознание давних корней, ощущение связи с прошлым, которое обычно возникает у людей, знающих многие поколения своих предков [6, с. 209].

А.П. Данилов в качестве антикриминальной, в том числе антитеррористической идеологии предлагает идеологию родолюбия – осознание принадлежности к своему народу, его культуре, земле и основанное на нём глубокое уважение и почитание родителей, народа, Родины, принятие на себя ответственности за её настоящее и будущее [4, с. 41].

В результате анализа нормативно-правовых актов о противодействии терроризму и научных исследований в этой сфере, мы приходим к выводу о наличии следующих тенденций:

1) Расширяется межгосударственное сотрудничество в сфере противодействия терроризму. Так, 12 декабря 2016 года на заседании Совета Безопасности ООН была принята Резолюция № 2322, призывающая государства к укреплению и расширению межгосударственного взаимодействия и взаимопомощи в сфере противодействия терроризму, обмена информацией о террористических органи-

зациях и боевиках-террористах, включая их биометрические и биографические данные. Отмечается важность сотрудничества между судебными и правоохранительными органами по расследованию преступлений, связанных с терроризмом.

Усиливается взаимодействие по вопросам противодействия терроризму между уполномоченными органами. В Европейском Союзе приняты меры, направленные на повышение эффективности взаимодействия и обмена информацией между национальными специальными и полицейскими службами, а также на усиление пограничного контроля.

В 2016 году на основе информации Анти-террористической группы (г. Гаага) создана единая база данных, к которой имеют доступ более 20 европейских спецслужб. Разработан проект автоматизированного обмена данными лиц, имеющих судимость, между правоохранительными органами стран-членов ЕС. Кроме этого, готовится к запуску Европейская информационная система авторизации путешествий;

2) В России на постоянной основе проводятся мероприятия, направленные на предупреждение террористических преступлений. Во многих городах выполняются специализированные программы по недопущению распространения в обществе экстремистских взглядов, предотвращению втягивания молодёжи в террористические организации. Осуществляется амнистия отдельных лиц, участвовавших в террористической деятельности, и адаптация их к условиям мирного времени. Усиливается государственный контроль за миграционными процессами, т.к. их в своей деятельности активно используют международные террористические организации.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Global Terrorism Index 2017. URL: <http://globalterrorismindex.org> (дата обращения: 09.06.2018).
2. Контртеррористическое управление Организации Объединённых Наций. URL: <http://www.un.org/ru/counterterrorism/legal-instruments.shtml> (дата обращения: 09.06.2018).
3. Орлов И.А. Меры борьбы с терроризмом // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». Выпуск 6, ноябрь–декабрь 2013.
4. Сухенко А.Д., Данилов А.П. Новая идеология как основа противодействия терроризму // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27). С. 35–41.
5. Хорошева А. Карта террористической угрозы миру-2017. URL: <http://www.trn-news.ru/analytics/57790> (дата обращения: 09.06.2018).
6. Шестаков Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

REFERENCES

1. Global Terrorism Index 2017. URL: <http://globalterrorismindex.org> (date of submission: 09.06.2018).
2. Kontrterroristicheskoe upravlenie Organizatsii Obyedinennykh Natsiy. [United Nations Office of Counter-Terrorism]. URL: <http://www.un.org/ru/counterterrorism/legal-instruments.shtml> (date of submission: 09.06.2018).
3. Orlov I.A. Mery borby s terrorizmom. [Counterterrorism measures]. *Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIYE» – Internet-journal «NAUKOVODENIE»*. Vypusk 6, noyabr–dekabr 2013.
4. Sukhenko A.D., Danilov A.P. Novaya ideologiya kak osnova protivodeystviya terrorizmu. [New ideology as the basis of counteraction to terrorism]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 4 (27), pp. 35–41.
5. Khorosheva A. Karta terroristicheskoy ugrozy miru-2017. [Map of the terrorist threat to the world-2017]. URL: <http://www.trn-news.ru/analytics/57790> (date of submission: 09.06.2018).
6. Shestakov D.A. Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti: Kriminogennye zakony i kriminologicheskoe zakonodatelstvo. Protivodeystvie prestupnosti v izmenyayushchemsya mire: Uchebnik. [Criminology: new approaches to crime. Criminogenic laws and criminological legislation. Counteracting crime in a changing world. A Textbook]. 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Izdatelstvo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press», 2006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Александрович Назаренко – доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Балтийского Федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград, Россия); e-mail: harkonnen2310@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitry Aleksandrovich Nazarenko – Doctor of Laws, associate professor of the department of criminal law and criminology of the Baltic Federal University named after Immanuel Kant (Kaliningrad, Russia); e-mail: harkonnen2310@gmail.com

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.М. Гаджиев

О НЕКОТОРЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРАХ, ОСЛАБЛЯЮЩИХ СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: Укрепление суверенитета государства достигается, помимо прочего, за счёт эффективной деятельности его регионов, а она невозможна без независимости региональных высших должностных лиц от различных кланов и олигархов, решения вопросов социально-экономического характера, качественно-го управления на местах, противодействия коррупции.

Ключевые слова: суверенитет; олигархия; экстремизм; Республика Дагестан.

D.M. Gadzhiev

ON SOME REGIONAL FACTORS AFFECTING THE SOVEREIGNTY OF THE STATE

Summary: Strengthening of sovereignty of the state can be achieved, among other things, through the effective activity of its regions. But it is impossible without the independence of regional senior officials from various clans and oligarchs. It is also impossible without dealing with social and economic issues and without good local governance and counteracting corruption.

Key words: sovereignty; oligarchy; extremism; The Republic of Dagestan.

Укрепление суверенитета государства достигается, помимо прочего, за счёт эффективной деятельности его регионов, а она невозможна без независимости региональных высших должностных лиц от различных кланов и олигархов, решения вопросов социально-экономического характера, качественного управления на местах, противодействия коррупции.

Как отмечает Д.А. Шестаков, в соответствии с учением о многослойном (девятиуровневом) строении преступности, вмешательство в суверенитет относится к нижеперечисленным уровням: организованные терроризм и экстремизм (5-й уровень), внутренний олигархический (7-й уровень), внешнегосударственный (8-й уровень), планетарный олигархический (9-й уровень) [7, с. 104].

На основе вышеуказанных уровней преступности раскроем факторы, существующие в Республике Дагестан, ослабляющие суверенитет России.

5-й уровень воронки преступности: организованные терроризм и экстремизм. После теракта 2004 года в Беслане Президент РФ В.В. Путин указал на то, что главную опасность для России представляют террористические акты. Мы имеем дело с интервенцией международного террора [5].

Изучение закономерностей «цветных революций» в различных странах убеждает нас в том, что они были бы невозможны без активного вовлечения в них молодёжи. Социальные сети всё больше используются для вербовки молодых людей в экстремистские организации. Идёт масштабная финансовая подпитка протестных, экстремистских организаций. В зарубежных центрах проходят обучение их лидеры.

Уже с 1990 года в Дагестане наблюдается радикализация общественных отношений. В 90-е годы началось паломничество дагестанцев в Саудовскую Аравию, следствием чего стало появление в республике нетрадиционных исламских течений.

В те же годы в республику под видом представителей различных благотворительных организаций стали прибывать проповедники и миссионеры исламских государств, которые «безвозмездно» оказывали помощь в строительстве мечетей, вели активную проповедническую деятельность, обосновывая создание исламского государства. В течение двух десятилетий после распада СССР количество мечетей в Дагестане увеличилось в 60 раз.

Многие из идеи этих «представителей» оказались созвучны мнениям дагестанцев, тем самым увеличивалось число их сторонни-

ков, особенно среди безработной молодёжи. Результатами распространения крайних течений в исламе стали зарождение мононациональных движений, захват здания Госсовета Дагестана в 1998 году, образование анклага Карамахинской зоны, вторжение бандформирований и международных террористов в республику. Всё это повлекло многочисленные человеческие жертвы.

В настоящее время тактика бандподполья, экстремистов, террористов меняется. Правоохранительные органы выявляют так называемые «спящие ячейки» ИГИЛ (организация запрещена в России).

Отметим, что проводимые в республике правоохранительными органами спецоперации «правозащитники» достаточно часто используют для нагнетания обстановки, заявляя о якобы несоблюдении государством прав человека, они же пытаются героизировать одиозных членов бандформирований.

В 2017 году более 1200 дагестанцев принимало участие в боевых действиях на стороне антиправительственных сил в Сирии [1]. Около 80 % из уезжающих в Сирию из республики вербуются через интернет. Многие отправляются в эту страну вместе с жёнами и детьми. Однако, важно, что за последние 2 года число дагестанцев, выезжающих в Сирию, значительно снизилось.

К основным факторам экстремизма в республике можно отнести: кризис экономической системы; коррупцию, охватившую все сферы жизнедеятельности общества; безработицу; замаскированную работу зарубежных спецслужб; деятельность профессиональных вербовщиков в интернете, направленную на склонение молодёжи к вступлению в ряды незаконных вооружённых формирований (НВФ); деформацию системы нравственных ценностей; отсутствие перспектив у молодёжи.

На вопрос «Кто, по вашему мнению, смог бы решить проблемы Дагестана: экстремизма, терроризма, коррупции, безработицы, наличия разных течений в исламе, преступности, клановости, землепользования, социальной несправедливости, отсутствия досуга?» студенты заочного и дневного обучения юридического факультета Дагестанского государственного университета народного хозяйства отвечали следующим образом. 69 % опрошенных полагают, что эти проблемы могут решить государство и правоохранительные

органы, 13 % – муниципальные образования, 6 % – джамааты сёл и районов. Затруднилось с ответом 12 % ответивших.

Таким образом, опрошенные связывают благополучие республики с эффективным государственным управлением и активной деятельностью правоохранительных органов.

7-й уровень воронки преступности: внутренний олигархический уровень. В укреплении правовых начал государственного управления важную роль играет высшее должностное лицо субъекта РФ. Глава региона должен подобрать профессиональную команду единомышленников, эффективно руководить вверенным ему субъектом.

Бывшему главе республики – Р.Г. Абдулатипову – удалось направить общественное сознание дагестанцев к нашему богатому историческому прошлому, национальной культуре и самобытности, которые являются основой для воспитания подрастающего поколения. В каждом районе и городе построены Центры этнической культуры, где сохраняются и приумножаются культурные ценности, ведётся воспитательная работа с молодёжью.

Однако проводимые в настоящее время в республике оперативно-профилактические мероприятия с участием приданных сил показывают, что в ней образовались клановые преступные сообщества, занимающиеся хищением бюджетных средств.

Дагестан «дал» России 5 крупных олигархов: Сулеймана Керимова с состоянием в 6,9 млрд долларов, Гавриила Юшваева – состояние 1,7 млрд долларов, Сефера Алиева – состояние 0,8 млрд долларов, Магомедгусена Насрутдинова – состояние 0,6 млрд долларов, Мухтара Меджидова – состояние 0,5 млрд долларов [6]. В республике несколько сотен миллионов. На неоднократные призывы руководства республики вкладывать средства в родные районы и сёла с целью создания в них рабочих мест для своих родственников и односельчан они не откликаются.

Председатель исламского комитета России Г. Джемаль, характеризуя экс-мэра Махачкалы С. Амирова, который ныне отбывает пожизненное заключение, отмечает, что бывший чиновник является одной из ключевых фигур международного истеблишмента, «смотрящим» на территории России [4].

Вышеуказанные обстоятельства, на наш взгляд, влияют и на ослабление государствен-

ного суверенитета Российской Федерации. С.У. Дикаев справедливо замечает: «Неспособность (или нежелание) российских властей защитить население от открытого и завуалированного грабежа даёт основание усомниться в их способности обеспечить внутренний суверенитет России» [3, с. 56].

9-й уровень воронки преступности: планетарный олигархический. Хорошо известна следующая политико-экономическая формула: «Кто хочет управлять миром должен контролировать нефть». Задача по установлению полного контроля за месторождениями нефти и газа на Кавказе, в Средней Азии, да и во всём мире в целом, является одной из важнейших для США и НАТО, за которыми стоит глобально олигархическая власть (ГОВ).

По мнению А.П. Данилова, конечной задачей глобальной политической преступной деятельности является построение олигархической властью тоталитарного глобального

псевдогосударства, возглавляемого её представителями (мировым правительством). Для этого первоначально она установила контроль над всеми суверенными государствами. Теперь же подготавливает соответствующее общественное мнение: население всех стран должно якобы самостоятельно прийти к осознанию того, что миром следует управлять глобальной власти [2, с. 60]. Со своей стороны подчеркну: дагестанцы не желают находиться в зависимости от олигархических семей.

Назначение врио главы Республики Дагестан В.А. Васильева положительно воспринято дагестанцами, которые постепенно теряли веру в государственную власть. Его дистанцирование от олигархов во власти, пытающихся всяческими способами сблизиться с ним, находит поддержку у населения. Если ему удастся создать команду профессионалов, у республики есть все шансы стать самодостаточной и процветающей.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Более 1200 дагестанцев воюют в Сирии на стороне бандформирований. URL: http://www.dag.aif.ru/incidents/boleev_1200_dagestancev_voeyuyut_v_sirii_na_storone_bandformirovaniy (дата обращения: 01.06.2018).
2. Данилов А.П. Вмешательство в государственный суверенитет как звено глобальной политической преступной деятельности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (47). С. 59–62.
3. Дикаев С.У. Внешняя поддержка экстремизма и сепаратизма как способы вмешательства в суверенитет государства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (47). С. 54–58.
4. Кавказский дом Саида Амирова. URL: <http://mayoripatiev.ru/1370767173> (дата обращения: 01.06.2018).
5. Россия: Полный текст телеобращения Владимира Путина в связи с событиями в Беслане. URL: <https://sputnik-georgia.ru/analytics/20040904/290810.html> (дата обращения: 01.06.2017).
6. Самый богатый человек в Дагестане – Сулейман Керимов. URL: <http://ubiznes.ru/finansy-v-licax/samuy-bogatyj-chelovek-v-dagestane-sulejman-kerimov.html> (дата обращения: 01.06.2018).
7. Шестаков Д.А., Дикаев С.У., Данилов А.П. Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2017 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 72–116.

REFERENCES

1. Boleev 1200 dagestantsev voyuyut v Sirii na storone bandformirovaniy. [More than 1200 Dagestan people are fighting in Syria on the side of gangs]. URL: http://www.dag.aif.ru/incidents/boleev_1200_dagestancev_voeyuyut_v_sirii_na_storone_bandformirovaniy (date of submission: 01.06.2018).
2. Danilov A.P. Vmeshatelstvo v gosudarstvenniy suverenitet kak zvено globalnoy politicheskoy prestupnoy deyatelnosti. [Interference in state sovereignty as an element of the global political criminal activity]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 4 (47), pp. 59–62.
3. Dikaev S.U. Vneshnyaya podderzhka ekstremizma i separatizma kak sposoby vmeshatelstva v suverenitet gosudarstva. [External support of extremism and separatism as a way to interfere in the sovereignty of the state]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 4 (47), pp. 54–58.
4. Kavkazskiy dom Saida Amirova. [The Caucasian house of Said Amirov]. URL: <http://mayoripatiev.ru/1370767173> (date of submission: 01.06.2018).

5. Rossiya: Polniy tekst teleobrashcheniya Vladimira Putina v svyazi s sobyitiyami v Beslane. [Russia: Full text of Vladimir Putin's telecast in connection with the events in Beslan]. URL: <https://sputnik-georgia.ru/analytics/20040904/290810.html> (date of submission: 01.06.2017).

6. Samiy bogatyy chelovek v Dagestane – Suleyman Kerimov. [The richest man in Dagestan is Suleiman Kerimov]. URL: <http://ubiznes.ru/finansy-v-licax/samyj-bogatyy-chelovek-v-dagestane-sulejman-kerimov.html> (date of submission: 01.06.2018).

7. *Shestakov D.A., Dikaev S.U., Danilov A.P.* Letopis Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba. God 2017. [The chronicle of the St.-Petersburg International Criminology Club. The year 2017]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 1 (48), pp. 72–116.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Даци Магомедович Гаджиев – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Дагестан, декан юридического факультета Дагестанского государственного университета народного хозяйства (Махачкала, Россия); e-mail: dmgadzhiev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Datsi Magomedovich Gadzhiev – PhD in Law, associate professor, honored lawyer of the Republic of Dagestan, dean of the law faculty of the Dagestan State University of National Economy (Makhachkala, Russia); e-mail: dmgadzhiev@yandex.ru

ПЕНОЛОГИЯ

УДК 343.9

ББК 67.51

*Л.Б. Смирнов***ОСОБЕННОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ**

Аннотация: Криминальная субкультура – обработанная преступным миром под себя система человеческих ценностей. Общественная опасность пенитенциарной субкультуры заключается в том, что она уничтожает культуру общества, транслируя в неё свои разрушительные нормы.

Ключевые слова: криминальная субкультура; лишение свободы; осуждённые; иерархия; неформальные нормы.

*L.B. Smirnov***FEATURES OF THE PENITENTIARY SUBCULTURE**

Summary: The criminal subculture is a system of human values modified by the criminal world. The public danger of the penitentiary subculture lies in the fact that it destroys the culture of society by broadcasting its destructive norms into it.

Key words: criminal subculture; imprisonment; convicts; hierarchy; informal norms.

Культура как совокупность социально значимых идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения не является однородной по своему содержанию и характеристикам. Она состоит из многообразия составляющих её культур, различие которых обусловлено наличием различных социальных групп и слоёв с их интересами и направленностью.

Отдельные социальные группы имеют асоциальную (криминальную) субкультуру. Преступники, в том числе осуждённые к лишению свободы, могут являться носителями криминальной субкультуры. В жизни простых людей также присутствуют элементы, атрибуты тюремной субкультуры [3, с. 5–13].

Криминальная субкультура, как правило, находится в противоречии с господствующими в обществе ценностями. Попадая в преступную группу, восприняв её субкультуру, человек как бы освобождается от социальных запретов, более того, их нарушение нередко бывает одной из норм криминальной субкультуры – обработанной преступным миром под себя системы человеческих ценностей – духовных, интеллектуальных, материальных, эстетических, противопоставленных общественным ценностям [5, с. 18]. Криминальная субкультура – часть культуры общества.

Разновидностью криминальной субкультуры является пенитенциарная (тюремная) субкультура, регулирующая неофициальную жизнь осуждённых в местах лишения свободы. Пенитенциарная культура формируется в результате изоляции и принуждения осуждённых, однако, являясь частью общей культуры, она формально использует её структуру и содержание.

Особенности формирования субкультуры осуждённых в местах лишения свободы обусловлены длительной изоляцией их от общества, включением осуждённых в однополюсные коллективы, жёсткой официальной регламентацией поведения. Всё это ограничивает человека в удовлетворении многих потребностей.

Существуют также внутренние социально-психологические факторы существования пенитенциарной субкультуры, обусловленные противопоставлением осуждённых основной массе законопослушных граждан [2, с. 32]. Осуждённые создают свою субкультуру, в своей основе противоположную культуре общества. Процесс адаптации человека к условиям пенитенциарных учреждений начинается с момента изоляции и во многом зависит от степени усвоения ценностных ориентаций уголовного мира, обычаев, поведения, форм общения с окружающими.

Привлекательность пенитенциарной субкультуры может быть обусловлена тем, что она даёт возможность для самоутверждения осуждённых, компенсации неудач, постигших их в обществе. Она покрыта налётом романтики, таинственности и необычности [1, с. 278].

Более аморальная, жестокая, с преобладаем садизма, глумления над личностью криминальная субкультура существует в воспитательных колониях. Социальная опасность криминальной субкультуры, вообще, и пенитенциарной, в частности, заключается в её антисоциальном характере. В местах лишения свободы осуждённые-приверженцы асоциальной культуры угрожают пенитенциарной безопасности и карательно-исправительному процессу.

Асоциальная субкультура одобряет различные виды преступного поведения в исправительных учреждениях. Субкультура осуждённых включает следующие элементы: систему норм; идеологию; традиции и обычаи; кастовое деление; жаргон; жесты; татуировки; фольклор.

Наряду с официальной организацией осуждённых в пенитенциарных учреждениях существует неформальная, неофициальная организация, создаваемая самими осуждёнными. Она имеет объективные социальные условия для формирования и существования.

Лица, отбывающие наказания в местах лишения свободы, дифференцированы на группы (категории, касты) в зависимости от уровня привилегированности, иерархии, профессионального преступного статуса, вида пенитенциарного учреждения.

Структура неформальной организации осуждённых включает четыре основные категории осуждённых. Первая категория – привилегированные осуждённые, осуществляющие властные функции. К данной категории относятся осуждённые:

1. Формально отказавшиеся от соблюдения преступных норм и осуществляющие неформальную власть в пенитенциарных учреждениях под контролем администрации;

2. Соблюдающие преступные нормы и, с попустительства администрации, осуществляющие неформальную власть в пенитенциарных учреждениях («авторитеты», «блатные» и др.).

Вторая категория – привилегированные осуждённые, не осуществляющие властные функции. В этой категории выделяют 2 подгруппы. Первая – осуждённые, имеющие

привилегии в силу принадлежности к организованной и профессиональной преступной деятельности. Вторая – осуждённые, имеющие привилегии от администрации.

Третья категория – непривилегированные осуждённые: а) признающие преступную культуру и ориентирующиеся на преступный мир (группы осуждённых по интересам), б) имеющие нейтральную ориентацию, но вынужденные формально соблюдать преступные нормы.

Четвёртая категория – пренебрегаемые, отвергаемые основной массой осуждённых. Отметим, приведённая структура неформальной организации не является абсолютной, обязательной во всех её составляющих элементах для исправительных учреждений.

В колониях-поселениях, в исправительных колониях общего режима, в большинстве исправительных колоний строгого режима неформальные властные полномочия, ограничиваемые администрацией исправительного учреждения, имеют осуждённые, формально отказавшиеся признавать и соблюдать уголовные традиции и нормы. В уголовном мире такие учреждения называют «красными» или «чёрными зонами».

В тюрьмах, исправительных колониях особого режима, в некоторых исправительных колониях строгого режима неформальную власть над осуждёнными имеют лица, занимавшиеся организованной и профессиональной преступной деятельностью. В том случае, если главари уголовного мира заставляют администрацию учитывать свою волю, такие учреждения они именуют «чёрными зонами».

Неформальная организация в некоторых её элементах, особенно, в части власти, может проявляться скрытно от администрации учреждений. Неформальную власть могут осуществлять «воры в законе», «авторитеты», «смотрящие», «паханы», «положенцы» и др.

Главарь преступного мира, формирующие преступную субкультуру, в местах лишения свободы пытаются осуществлять властные, идеологические, экономические, координационные и контрразведывательные функции [4, с. 69]. Ближайшее окружение главарей составляют «блатные» – лица, вовлечённые в занятие организованной преступной деятельностью, характеризующиеся устойчивыми асоциальными, искажёнными нормативно-ценностными ориентациями. В колонии главарь и его сви-

та размещаются в дальнем и наиболее тёплом углу помещения, прислужники («шестёрки») готовят им еду, выполняют мелкие поручения.

В случае отсутствия в колонии «вора в законе», из числа «блатных» назначается «смотрящий». Если в «зоне» есть «вор в законе», «смотрящий» может назначаться в качестве заместителя «пахана» по определённому направлению, например, хранению «общака».

«Блатные» помогают авторитетам руководить осуждёнными. «Блатные» не имеют права свергать, выдвигать или утверждать «авторитета», такими полномочиями наделено воровское сообщество. Они не могут принимать решений, относящихся к компетенции «вора в законе». Особое положение занимают относительно независимые богатые «блатные». Они в силу своего достатка могут себе позволить вести довольно независимый образ жизни, имея мощную охрану и прикрытие.

Существует группа осуждённых отрицательной направленности, непосредственно исполняющая противоправные решения «блатных». Эту группу составляют осуждённые, находящиеся в материальной или иной зависимости от «авторитетов». «Блатные» их именуют «быками» и «шестёрками». «Быки» делятся на «солдат» и «торпед». «Солдаты» – непосредственные исполнители распоряжений «авторитетов» в части репрессий (избиение, изнасилование, убийство). «Торпеды» выполняют задание «авторитетов» любой ценой, даже рискуя собственной жизнью. «Быки» и «шестёрки» могут назначаться «громоотводами» – берущими на себя преступления «блатных». «Шестёрки» исполняют роль прислуги у «авторитетов».

В учреждениях, которые уголовный мир называет «красными зонами», неформальная власть с 1990-х годов принадлежит так называемым «бандитам». Они не знали воровских норм и, попав в колонию, сами предлагали администрации услуги по поддержанию порядка в колонии в обмен на привилегии. Представителей такой власти «блатные» оскорбительно называют «козлами». Администрации исправительных учреждений такие осуждённые оказывают услуги в обмен на некоторые привилегии и послабления в режиме. В данном случае администрация полностью контролирует эту категорию осуждённых, а они, в свою очередь, контролируют поведение других осуждённых, за исключением «блатных».

Основную часть пенитенциарного общества составляют разнородные группы осуждённых нейтральной, положительной и отрицательной направленности, контролируемые преступными авторитетами.

Группы отрицательной направленности могут состоять из национальных и земляческих неформальных образований, отдельных групп молодых осуждённых («молодняк», «пацанов»). Они признают статус «блатных», поддерживая с ними отношения, преступные нормы («гнут пальцы»), соблюдая их на «чёрных зонах». На «красных зонах» они не сотрудничают с администрацией и ведут скрытый образ жизни.

Наиболее многочисленной категорией лиц в исправительных учреждениях является категория «осуждённые, не занимавшиеся организованной или профессиональной преступной деятельностью». Преступный мир таких называет «мужиками». По мнению лидеров преступного мира, «мужики» должны быть простыми «работягами». «Блатные» на «чёрных зонах» и «бандиты» на «красных зонах» обеспечивают своё благополучие за счёт «мужиков», эксплуатируя их.

Категорию осуждённых положительной направленности образуют осуждённые, сотрудничающие с администрацией пенитенциарного учреждения, занимающие различные официальные должности, предусмотренные штатным расписанием исправительного учреждения, такие как мастер, бригадир, заведующий клубом, библиотекарь и др. К осуждённым положительной направленности также относятся дневальные в отрядах, уборщики в штабах, столовых, санчастях и других служебных помещениях. Преступный мир таких осуждённых называет «шнырями».

Особая группа в неформальной организации осуждённых – пренебрегаемые (отверженные) осуждённые, которых называют «чушки», «крысы», «петухи», «опущенные». В категорию отверженных попадают осуждённые, нарушающие тюремные нормы, а также пассивные гомосексуалисты. Статус «отверженный» не может быть изменён и определяет всю дальнейшую жизнь осуждённого. Прибыв в исправительное учреждение, отверженный обязан объявить о своём статусе.

Важнейшим элементом асоциальной субкультуры является наличие специальных норм. По отношению к нарушителям таких

норм часть осуждённых, выступающая в качестве носителей асоциальной субкультуры, осуществляет своё «правосудие» – подвергает их социальной изоляции путём насилия и перевода в разряд «отверженных».

Можно выделить следующие *виды (группы) норм неформальной организации осуждённых*:

- обеспечивающие внутреннюю организацию тюремного мира;
- регулирующие порядок внутренних взаимоотношений в преступной среде;
- правила поведения членов преступных сообществ с лицами, не являющимися членами преступного мира;
- общие для всех заключённых правила.

Нормы, обеспечивающие внутреннюю организацию тюремного мира, устанавливают следующие требования:

- все лица, отбывающие наказание, обязаны подчиняться воле «блатных». Никто из осуждённых не имеет права предъявлять претензии к ним;
- «блатные» должны неукоснительно обеспечивать соблюдение всеми осуждёнными неформальных правил поведения;
- лидерам преступных сообществ запрещается участвовать в общественно полезной деятельности;
- заключённым, занимающим низшие ступени в тюремной иерархии, запрещается общаться с представителями других слоёв преступного сообщества, находиться с ними за одними и теми же столами, занимать удобные места в спальнях помещениях и комнатах отдыха.

Нормы, регулирующие порядок внутренних взаимоотношений в преступной среде, обязывают:

- не допускать в преступный мир осуждённых, сотрудничавших с работниками пенитенциарных учреждений;
- быть честным, справедливым в отношении своих товарищей, не лгать в своей среде;
- помогать осуждённым, находящимся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, одиночных камерах;
- оказывать друг другу содействие при мщении за ущерб, нанесённый «другими», их уголовному сообществу;
- не избегать ответственности путём переложения вины на других соучастников.
- вести систематический контроль друг за другом, не допускать в окружение «непра-

вильных» осуждённых (за каждым лицом, прибывшим в исправительное учреждение, следует записка («ксива») от других членов.

Правила поведения членов преступных сообществ с лицами, не являющимися членами преступного мира:

- поддерживать «правильные» отношения между осуждёнными;
- не допускать притеснений осуждённых, не причинивших вреда их сообществу и т.п.;
- вовлекать в занятие преступной деятельностью и воспитывать молодёжь.

Общие для всех категорий заключённых правила:

- следить за своим внешним видом, быть опрятным, аккуратным;
- не брать случайно найденных предметов;
- не подбирать окурки и объедки;
- не красть у своих;
- делиться с другими продуктами питания и сигаретами;
- возвращать долг в строго установленные сроки.

Абсолютное большинство преступлений в местах лишения свободы тем или иным образом связано с соблюдением тюремных норм. Как правило, они совершаются с особой жестокостью, цинизмом, жертве умышленно причиняются мучения в присутствии других осуждённых с целью их запугивания. С помощью санкций лидеры преступного мира стараются не только сохранить своё влияние, но и расширить его.

Существование особых норм поведения у лиц, отбывающих наказание, является фактором насильственных преступлений в исправительных учреждениях. Например, оставив оскорбление без ответа, осуждённый автоматически понижается в иерархии осуждённых, к нему, соответственно, меняется отношение. Для того, чтобы восстановить прежний статус, осуждённый зачастую совершает насильственное преступление.

Татуировки заключённых являются одним из основных внешних элементов тюремной субкультуры. На жаргоне заключённых татуировка называется «реклама», «икона», «картинка», «клеймо», «наколка», «прошивка», «расписка» и т.д. Татуировка заключённого – это своего рода паспорт преступника. Она информирует о его положении и криминальных заслугах, передаёт его мысли и социальные установки. Если татуировка сделана с полным пониманием её сути и назначения, она стано-

вится своеобразной визитной карточкой, так или иначе закрепляя за человеком определённый имидж, не позволяя её носителю отказаться от него, забыть преступный опыт.

Уголовный жаргон является одним из важнейших средств общения преступников в условиях изоляции. Жаргон обеспечивает информационные потребности осуждённых, шифрует передаваемые ими сведения. Особенности уголовного жаргона отражают отношение осуждённых к самим себе, другим преступникам, своим жертвам, к закону и обществу. У каждой категории профессиональных преступников есть свои особенности уголовного жаргона. Жаргон осуждённых является составной частью общего уголовного жаргона преступников, но в условиях изоляции имеет специфические особенности.

Криминальная субкультура мест лишения свободы противостоит традиционным морально-нравственным ценностям общества. В её основе лежит антигуманная «философия» корысти, быстрого обогащения, вседозволенности, жестокости к «чужим» и более слабым членам общества. Существенное место в ней отводится насилию, которое она порождает и без которого существовать не может.

В пропаганде криминальной субкультуры наряду с преступным сообществом принимают участие отдельные средства массовой информации, представители литературы, театра, кино, музыкальной сферы.

Эффективной мерой противодействия пенитенциарной субкультуре является режим содержания осуждённых. Он включает в себя различные правила, средства, приёмы и способы охраны, надзора, размещения, передвижения осуждённых, применения к ним мер исправительного воздействия.

Необходимо принимать меры по изоляции осуждённых – носителей, ретрансляторов этой субкультуры. Их следует отнести к группе риска, содержать отдельно от других осуждённых – в исправительных учреждениях тюремного типа. Исправительные колонии особого режима следует репрофилировать в тюрьмы, тем более, что для этого больших финансовых средств не нужно. В колониях целесообразен перевод таких осуждённых в строгие условия содержания. Необходимо законодательно закрепить понятие «осуждённый, приверженец криминальной субкультуры», определить юридические механизмы и признаки для признания преступника таковым.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дмитриев Ю.А.* Пенитенциарная психология / Ю.А. Дмитриев, Б.Б. Казак. Ростов-н/Д., 2007.
2. *Курганов С.И.* Основы криминологии: учебное пособие. М., 1998.
3. *Олейник А.Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.
4. *Смирнов Л.Б.* Пенитенциарная безопасность и проблемы её обеспечения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 3 (20). С. 67–72.
5. *Старков О.В.* Криминальная субкультура: спецкурс. М., 2010.

REFERENCES

1. *Dmitriev Y.A.* Penitentsiarnaya psikhologiya. [Penitentiary psychology]. Y.A. Dmitriev, B.B. Kazak. Rostov-n/D., 2007.
2. *Kurganov S.I.* Osnovy kriminologii: uchebnoe posobie. [Fundamentals of criminology]. M., 1998.
3. *Oleynik A.N.* Tyuremnaya subkultura v Rossii: ot povsednevnoy zhizni do gosudarstvennoy vlasti. [Prison subculture in Russia: from everyday life to state power]. M., 2001.
4. *Smirnov L.B.* Penitentsiarnaya bezopasnost i problemy ee obespecheniya. [Penitentiary security and the problems of its provision]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii – Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2013, no. 3 (20), pp. 67–72.
5. *Starkov O.V.* Kriminalnaya subkultura: spetskurs. [Criminal subculture]. M., 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Борисович Смирнов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: lbs1958@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Leonid Borisovich Smirnov – doctor of Laws, professor, professor of the department of criminal law at the Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: lbs1958@yandex.ru

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

УДК 343.9
ББК 67.51

В.С. Харламов

КРИМИНОФАМИЛИСТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В РАМКАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация: Необходима кодификация законодательства о противодействии преступности, а также разработка Основ международного криминофамилистического законодательства, структура которого может включать по классической схеме как Общую, так и Особенную части.

Ключевые слова: право противодействия преступности; кодификация законодательства; семейная криминология; Криминологический кодекс.

V.S. Kharlamov

CRIMINOFAMILISTIC STRUCTURES IN THE FRAMEWORK OF LEGISLATION ON COUNTERACTING CRIME

Summary: Codification of legislation on counteracting crime is necessary. It is also necessary to develop the Fundamentals of international criminofamilistic legislation, the structure of which may include both the General and Special Parts according to the classical scheme.

Key words: law of counteracting crime; codification of legislation; family criminology; Criminological code.

Знакомство с обсуждением доклада В.Н. Орлова [2] поможет пытливому исследователю разобраться в понимании того, нужна ли нам кодификация законодательства о противодействии преступности. По-нашему мнению, она необходима. В результате данной кодификации нормативно-правовые акты, регулирующие противодействие отдельным разновидностям преступного поведения, будут включены в единый кодекс, что, помимо прочего, значительно облегчит процесс правоприменения.

В частности, такие Федеральные законы, как «О противодействии терроризму», «О противодействии коррупции», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» будут объединены одним кодифицированным актом.

Как отмечает Д.А. Шестаков, разработка Кодекса предупреждения преступлений является важной составляющей частью грядущего единого права противодействия преступности (ППП). При подготовке данного Кодекса необходимо нашу российскую – пока единственную в своём роде – идею ППП соотнести и, по возможности, увязать с законодательством о мерах безопасности [7, с. 13].

При этом, замечает А.П. Данилов, хотелось бы, чтобы единое законодательство о противодействии преступности было в ближайшее время принято на евразийских просторах, а не получилось так, как это у нас часто бывает: выскажем предложение и на этом остановимся. Потом же копируем на Западе практическую реализацию собственной идеи, причём с имеющимися существенными недостатками [1, с. 75].

Не случайно в последние годы значительное число публикаций российских криминологов (Д.Ю. Гончаров, М.П. Клейменов, В.Н. Орлов, Ю.В. Трунцевский) было посвя-

щено проблеме унификации нормативно-правовой базы антикриминальной превенции. Важно отметить, что опыт принятия кодифицированного законодательства об антикриминальной превенции у нас есть. Например, Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений [3].

Приведём ряд доводов, свидетельствующих о необходимости систематизации законодательства о противодействии преступности:

1. В результате систематизации понятийный аппарат нормативных актов, регулирующих данную сферу, будет единым. Сегодня же в вышеуказанных и иных нормативных актах используются различные термины, описывающие одно и то же явление. Например, «борьба», «предупреждение», «профилактика» применительно к деятельности по противодействию преступности.

2. Известно, что разрешение криминальных ситуаций посредством норм Уголовного кодекса достигается путём применения санкций, в нём закреплённых. Единый кодифицированный акт, назовём его, следуя идее В.Н. Орлова, Криминологическим кодексом, позволит правоприменителю иметь под рукой целый арсенал мер для разрешения криминальных ситуаций. В Криминологическом кодексе должны быть предусмотрены, наряду с правоограничивающими, различные криминологические меры. Среди них: медиативные способы разрешения конфликтов, экспертная оценка правовых и нормативных актов (в частности, экспертиза закона), виктимологическая профилактика и другие.

В рамках формируемого единого законодательства о противодействии преступности должна быть создана и нормативно-правовая база для противодействия криминогенным факторам в семейной сфере и обусловленному ими преступному поведению.

Предложение о формировании криминофамилистического законодательства было высказано ещё в 1995 году родоначальником семейного преступноведения Д.А. Шестаковым [4]. В своих дальнейших работах он развил идею кодификации криминофами-

листического правового регулирования [9, с. 250; 8, с. 111, 113; 5].

Опираясь на предложенную Д.А. Шестаковым классификацию [6, с. 148], обозначим критерии для объединения криминофамилистических норм по отдельным направлениям.

1) По критерию «направленность действия норм» выделяются нормативные акты, регламентирующие: 1) криминофамилистическую политику; 2) обеспечение безопасности семьи и домочадцев; 3) деятельность, связанную с применением уголовной репрессии; 4) ресоциализацию отбывших наказание домочадцев; 5) виктимологическую профилактику; 6) медиативные технологии в семейной сфере; 7) социальную поддержку семьи; 8) деятельность субъектов, противодействующих семейной преступности.

2) По критерию «репрессивность» формируются 2 блока. Первый блок – репрессивное законодательство, второй – превентивное законодательство. Первый блок объединяет уголовное, административное, уголовно-процессуальное и пенитенциарное законодательство, второй блок – иные антикриминальные нормативно-правовые акты.

3) По пространственно-функциональному критерию нормативно-правовые акты следует объединить в 4 группы. В *первой группе* сконцентрированы международные нормативные акты, договоры РФ с иностранными государствами о сотрудничестве в сфере противодействия семейной преступности. В *вторую группу* составляют федеральные законы и подзаконные акты. В *третью группу* входят нормативные акты субъектов РФ. *Четвёртую группу* образуют ведомственные и межведомственные нормативные документы.

Представленная выше классификация нормативно-правовых актов образует конструкции обобщённой модели российского криминофамилистического законодательства. На основе стандартизированных макетов целесообразно разработать Основы международного криминофамилистического законодательства, структура которого может включать по классической схеме как Общую, так и Особенную части.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов А.П. Преступное законодательство: на пересечении криминологических отраслей // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (45). С. 71–76.
2. Сайт Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/335-2018-04-30-18-31-07.html> (дата обращения: 01.05.2018).

3. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. 1857. Т. XIV.

4. Шестаков Д.А. Законодательная регламентация предупреждения насилия в семье // *Criminological Situation and Security in Society. First International Social Deviant Behavior Symposium of the Black Sea Countries*. Chianau, 9–11 November, 1995. С. 128–130.

5. Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2013. № 1 (28). С. 47–50.

6. Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества: Краткий курс. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, «Лань», 2001.

7. Шестаков Д.А. О проекте Кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2018. № 1 (48). С. 13–20.

8. Шестаков Д.А. Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности // *Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования*. Коллективная монография // Отв. ред. д.ю.н. А.Е. Мизанбаев. Костанай, 2012.

9. Шестаков Д.А. Семейная криминология. Семья – конфликт – преступление. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 264 с.

REFERENCES

1. Danilov A.P. Prestupnoe zakonodatelstvo: na peresechenii kriminologicheskikh otrasley. [Criminal legislation: at the intersection of criminological branches]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 2 (45), pp. 71–76.

2. Sayt Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba. [The website of the St. Petersburg International Criminology Club]. URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/335-2018-04-30-18-31-07.html> (date of submission: 01.05.2018).

3. Svod ustavov o preduprezhdenii i presechenii prestupleniy. [Code of statutes on the prevention and suppression of crimes]. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii – Code of Laws of the Russian Empire*. 1857. Т. XIV.

4. Shestakov D.A. Zakonodatelnaya reglamentatsiya preduprezhdeniya nasiliya v semye. [Legislative regulation of the prevention of domestic violence]. *Criminological Situation and Security in Society. First International Social Deviant Behavior Symposium of the Black Sea Countries*. Chianau, 9–11 November, 1995, pp. 128–130.

5. Shestakov D.A. Kriminologicheskoe zakonodatelstvo i pravo protivodeystviya prestupnosti. [Criminological legislation and right to crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013, no. 1 (28), pp. 47–50.

6. Shestakov D.A. Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. Kratkij kurs. [Criminology: crime as a social trait]. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, «Лань», 2001.

7. Shestakov D.A. O proekte Kodeksa preduprezhdeniya prestupleniy i mer bezopasnosti. [On the draft Code of crime prevention and security measures]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 1 (48), pp. 13–20.

8. Shestakov D.A. Postliberalnaya paradigma i pravo protivodeystviya prestupnosti. Pravotvorcheskie i pravoprimenitelnye paradigmy rekonstruktsii ugolovnogo zakonodatelstva: natsionalniy i mezhdunarodniy opyt modelirovaniya. [Post-liberal paradigm and right to combating crime. Law-making and law enforcement paradigms of legislation reconstruction: national and international models]. *Kollektivnaya monografiya*. Отв. ред. д.ю.н. А.Е. Мизанбаев. Костанай, 2012.

9. Shestakov D.A. Semeynaya kriminologiya. Semya – konflikt – prestuplenie. [Family Criminology. Family – conflict – crime]. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996, 264 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентин Станиславович Харламов – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: valentinx55@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Valentin Stanislavovich Kharlamov – PhD in Law, associate professor of the department of criminology at Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, honorary professor of the Saint-Petersburg International Criminology Club (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: valentinx55@mail.ru

2. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

СЕРГЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ ИНШАКОВУ – 60 ЛЕТ!

Сергей Михайлович Иншаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, полковник юстиции в запасе, профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности юридического факультета МГЛУ (Москва), член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.

Сергей Михайлович родился 13 марта 1958 года в г. Москве. В 1980 г. окончил юридический факультет Военного института Министерства обороны. По окончании института 4 года работал следователем военной прокуратуры в г. Новороссийске. С 1984 г. – в системе высшего образования.

В 1988 г. под научным руководством доктора юридических наук, профессора В.В. Лунеева защитил кандидатскую диссертацию на тему «Криминогенный опыт в мотивации преступного поведения военнослужащих», а в 1998 г. – докторскую диссертацию на тему «Системное воздействие на преступность» (научный консультант В.В. Лунеев).

В 2001 г. назначен заведующим кафедрой уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции РФ. Несколько лет плодотворно работал в Академии Генеральной прокуратуры РФ (заведующим отделом латентной преступности).

Результатами научного труда Сергея Михайловича явилось написание более 100 работ, среди них: «Преступность и меры социального реагирования». Учебное пособие (М., 1995); «Зарубежная криминология». Монография (М., 1997); «Военная криминология». Учебник (М., 1999); «Криминология». Учебник для юридических вузов (М., 2000), «Исследование преступности». Монография (М., 2012). Ряд работ он подготовил в соавторстве, результатом его участия, иногда сопряжённого с руководством творческим коллективом, стали такие труды, как: «Преступность – угроза России». Монография (М., 1993); «Организованная преступность». Монография (М., 1999); «Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006». Монография (М., 2007). «Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности». Монография (М., 2011).

С.М. Иншаков является известным специалистом в исследовании латентности преступности. Им детально проанализированы факторы различных типов и видов преступности, подготовлено 18 кандидатов юридических наук.

Особый интерес для науки представляет проведённое Сергеем Михайловичем и отражённое в монографии «Зарубежная кри-

минология» исследование эволюции науки криминологии: от истоков учения о преступности до современных зарубежных криминологических теорий. В ней также дан анализ различных способов противодействия преступности.

В последние годы наш юбиляр занимается исследованием проблем национальной безопасности. Результатом чего стали 3 монографии: «Методологические основы теории национальной безопасности» (М., 2017), «Политологические основы теории национальной безопасности» (М., 2017), «Гибридная война» (М., 2017) и учебное пособие «Правовое обеспечение национальной безопасности» (М., 2017).

Дважды Сергей Михайлович выступал с основными докладами в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе. 29 февраля 2008 года – на тему «Латентная преступность как объект криминологического изучения». Он охарактеризовал изучение латентности преступности как перспективное направление криминологических исследований. По результатам его исследований количество незарегистрированных пре-

ступлений составляло в 2007 году не менее 23 млн. С учётом 3,58 млн зарегистрированных преступных деяний фактически в России было совершено более 26 млн преступлений. В течение периода изучения латентной преступности (с 2001 г.) число преступлений непрерывно росло на 3–5 % в год.

29 сентября 2017 года С.М. Иншаков на беседе Клуба «Преступность сфер науки и образования» выступил с докладом «Криминология в XXI веке – свет погасшей звезды?». Он отметил, что сегодня мы переживаем период вытеснения криминологии из вузовской науки. Впереди следующие возможные варианты развития: 1) изменение государственной политики и обретение криминологией государственного патроната; 2) обретение криминологией общественного патроната на фоне развития гражданского общества; 3) независимое криминологическое интеллектуальное творчество.

Дорогой Сергей Михайлович! Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия и научного процветания! Мы всегда рады видеть Вас в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе!

Совет Клуба

ЛЕОНИДУ БОРИСОВИЧУ СМІРНОВУ – 60 ЛЕТ!

Леонид Борисович Смирнов – доктор юридических наук, профессор, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, профессор кафедры уголовного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Леонид Борисович родился 13 апреля 1958 года в с. Шлемово Варгашинского района Курганской области в семье военнослужащего Бориса Александровича Смирнова и крестьянки Екатерины Петровны Смирновой. Дед, Пётр Зеновьевич Меньщиков, из семьи зауральских купцов, воевал в Красной Армии в Гражданскую войну, в июле 1942 года без вести пропал на фронте. Бабушка, Наталья Филипповна Меньщикова, урожденная Орлова, из зажиточной крестьянской семьи.

В 1975 году наш юбиляр окончил Боровскую среднюю школу Белозерского района Курганской области. С 1976 по 1978 год проходил службу по призыву в Пограничных войсках КГБ СССР. В 1980 году с отличием окончил Уфимскую среднюю специальную школу подготовки начальствующего состава МВД СССР. С 1980 по 1983 год проходил службу в Ныробском УЛИТУ.

В 1987 году он с отличием окончил Академию МВД СССР. С 1987 по 1992 год состоял на должностях среднего и старшего начальствующего состава в УИН, УИНиСР г. Ленинграда, затем – Санкт-Петербурга.

В 1995 году Л.Б. Смирнов окончил адъюнктуру Санкт-Петербургского института МВД

России и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Юридическая ответственность осуждённых в пенитенциарных учреждениях (теоретико-правовой аспект)». Научный руководитель – д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ Я.М. Бельсон.

В 2004 году в Санкт-Петербургском институте МВД России Леонид Борисович защитил докторскую диссертацию на тему «Уголовно-исполнительная политика в сфере совершенствования правового регулирования исполнения уголовных наказаний».

С июля 1995 по декабрь 2008 года проходил службу в Санкт-Петербургском университете МВД России на должностях профессорско-преподавательского состава. 5 декабря 2008 г. вышел в отставку в звании полковника милиции. С 2008 г. работает на кафедре уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена.

Область научных исследований Леонида Борисовича – уголовно-исполнительное право, пенология, политическая криминология. Им опубликовано более 200 научных и учебно-методических работ.

Среди наиболее значимых его монографий такие, как «Юридическая ответственность и правовая информированность (особенности пенитенциарной системы)» (СПб., 1998, в соавторстве), «Права человека и пенитенциарные учреждения» (СПб., 2000), «Пенитенциарные учреждения в политико-правовой системе России: (теоретический и историко-правовой аспекты)» (СПб., 2001), «Проблемы правового регулирования исполнения

уголовных наказаний и совершенствование деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы» (СПб., 2003), «Формирование и эволюция системы исполнения уголовных наказаний в России» (СПб., 2005), «Уголовно-исполнительная система России: Теоретические, правовые и организационные основы» (СПб., 2008), «Генезис и эволюция уголовно-исполнительной политики России» (СПб., 2014).

Наш юбиляр преподает уголовно-исполнительное право и криминологию, а также спецкурсы «История возникновения, развития и актуальные проблемы уголовно-исполнительного права»; «Пенитенциарная криминология», «Исполнение наказаний в виде лишения свободы в воспитательных колониях», «Международное и российское законодательство о правовом положении осуждённых», «Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы», «Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях».

Под научным руководством Л.Б. Смирнова защитилось 2 кандидата юридических наук. Он выступает в качестве эксперта, оппонента и рецензента по докторским и кандидатским диссертациям.

17 марта 2017 года Л.Б. Смирнов на беседе Клуба «Криминологические проблемы уголовного наказания в виде лишения свободы: коррекция целеполагания, принципов и реализации» выступил с основным докладом. Он указал на то, что в местах лишения свободы следует создавать строгий режим и аскетичные условия содержания заключённых, заставляющие их морально переживать, но, в то же время, которые должны восприниматься осуждёнными в качестве справедливой кары за содеянное.

Уважаемый Леонид Борисович! Желаем Вам крепкого здоровья, творческого настроения, тепла от родных и близких. Пусть наука и преподавание продолжают оставаться для Вас источниками жизненных сил.

Совет Клуба

К НАШИМ АВТОРАМ

Журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра» – первый в истории России криминологический журнал. Редакция уделяет особое внимание содержательной стороне представляемых для опубликования материалов.

Наш журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук. В начале 2015 года подана заявка на включение журнала в крупнейшую в мире единую реферативную базу данных Scopus.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ РЕДАКЦИЕЙ К СТАТЬЯМ:

1. Представляемая статья не должна быть опубликована или направлена в другие издания.

2. Статья должна быть криминологической, обладать научной новизной и теоретической значимостью, раскрывать значимые вопросы криминологии.

3. Объём статей студентов, аспирантов, соискателей учёной степени кандидата наук – 3–4 страницы формата А4 (до 10 000 знаков с пробелами), кандидатов наук – до 10 страниц (до 20 000 знаков с пробелами), докторов наук – до 20 страниц (до 40 000 знаков с пробелами).

4. Статья оформляется в соответствии с межгосударственным стандартом ГОСТ 7.1-2003. Набор статьи: верхнее и нижнее поле – по 20 мм, левое – 30 мм, правое – 10 мм. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта основного текста – 14, сносок – 12; межстрочное расстояние – полуторное; абзацный отступ – 1,25. Формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы нумеруются сверху (Таблица 1 – Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 – Название). Ссылки на источники и литературу выполняются постранично внизу страницы. Не допускается использование вместо буквы «ё» буквы «е». Нумерация страниц – внизу, посередине, на каждой странице.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией, ключевыми словами (объём до 700 знаков с пробелами), пристатейным списком литературы, сведениями об авторе на русском и английском языках. Аннотация не должна содержать в себе вводных уведомлений: «в статье рассматривается, идёт речь...» и т.п.

6. Статья оформляется в соответствии с прилагаемым редакционной коллегией образцом оформления материала статьи.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ:

1. Для опубликования статьи автор должен отправить заявление (в сканированном виде или оригинале) на имя главного редактора журнала о публикации статьи (форма заявления размещена на сайте Клуба), а также сведения об авторе (в сканированном виде или оригинале) по установленной форме (форма размещена на сайте Клуба) на электронный адрес Клуба: criminology_club@mail.ru или по почтовому адресу Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, юридический факультет: 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 20, каб. 5–6.

2. Представляемая статья должна соответствовать требованиям, предъявляемым редакцией к публикуемым материалам.

3. Статья представляется в установленные редакцией сроки:

в № 1 (январь) – до 1 ноября предшествующего года;

в № 2 (апрель) – до 1 февраля текущего года;

в № 3 (июль) – до 1 мая текущего года;

в № 4 (октябрь) – до 1 августа текущего года.

4. Студенты, аспиранты, соискатели учёной степени кандидата наук для опубликования статьи должны представить рекомендацию (в сканированном виде или оригинале), подписанную лицом, имеющим учёную степень и заверенную печатью учреждения или организации. В рекомендации отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень представленного материала и делаются выводы о возможности опубликования статьи в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ:

1. В течение 3 (трёх) дней с момента получения статьи автору по указанному им адресу электронной почты направляется соответствующее уведомление.

2. Все статьи, поступившие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.

3. Главный редактор определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему близкую к теме статьи научную специализацию.

4. Статьи проходят двустороннее анонимное («слепое») рецензирование.

5. В рецензии освещаются следующие вопросы:

– соответствие содержания статьи заявленной в названии теме;

– соответствие современным достижениям науки;

– что нового предлагается автором, научная новизна;

– доступность читателям с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

– знание автором статьи научной литературы по обсуждаемому кругу проблем, в том числе международный опыт.

6. Рецензия должна содержать конкретные выводы:

– целесообразность публикации с учётом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

– в чём конкретно заключаются недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

– заключение о возможности опубликования: «рекомендуется», «рекомендуется с учётом исправления отмеченных недостатков» или «не рекомендуется».

7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

8. Решение о публикации по итогам рецензирования принимается в течение 3 (трёх) месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

9. Рецензии на поступившие материалы отправляются авторам по электронной почте.

10. В случае отклонения статьи от публикации редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ.

11. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

12. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционной коллегией.

13. После принятия редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации редколлегия информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

14. Оригиналы рецензий хранятся в редакционной коллегии и редакции журнала в течение 5 лет.

ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЬИ:

1. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имён собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

2. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение её в сети Интернет на официальных сайтах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (<http://www.criminologyclub.ru/>), других справочно-правовых системах, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

3. Решение об опубликовании или удалении статьи принимает редакционная коллегия.

4. Статья, представленная редколлегии журнала, не будет принята к рассмотрению, если автором не соблюдены требования, предъявляемые редакцией, или правила представления статей.

5. Редколлегия журнала примет любые пожелания по совершенствованию её деятельности. Возникающие вопросы разрешаются путём электронной переписки.

6. Редакционная коллегия правомочна осуществлять научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости сокращать их по согласованию с автором.

7. Представленные статьи публикуются бесплатно.

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА СТАТЬИ

Образец заглавия статьи, аннотации и ключевых слов:

В.В. Лунеев

О КРИМИНОЛОГО-АНАЛИТИЧЕСКОМ И СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К ЗАКОНОТВОРЧЕСТВУ

Аннотация: Исследователем реальных тенденций и закономерностей преступности, системным и независимым разработчиком новых законопроектов по противодействию преступности должен стать специальный информационно обеспеченный центр, действующий на основе принципов самостоятельности, непрерывности и системности.

Ключевые слова: закономерности преступности; статистика; законотворчество; прогнозирование.

V.V. Luneev

ON CRIMINOLOGICAL, ANALYTIC AND SYSTEMIC AP- PROACHES TO LAWMAKING

Summary: A special information-provided centre relying upon the principles of independence, continuity, consistency must be the researcher of the actual tendencies and crime patterns, system and independent drafter of new crime preventions bills.

Key words: crime pattern; statistics; lawmaking; forecast.

Пристатейный список литературы и сведения об авторе в конце публикации:

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004.

2. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кондратьев Л.В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции. Научный доклад. М., 2001.

3. РАН, реформа, воровство, коррупция // Московский комсомолец. – 2013. – 1 июля.

4. Тезисы выступления П.В. Крашенинникова на Парламентских слушаниях «Актуальные вопросы уголовного законодательства». URL: <http://old.alrf.ru/publication/2009/12article998/> (дата обращения: 01.02.2014).

REFERENCES

1. *Beccaria C.* On prestupleniyakh i nakazaniyakh. [On crimes and punishments]. Moscow, 2004.

2. *Goryainov K.K., Ovchinskiy V.S., Kondratyuk L.V.* Uluchsheniye vzaimootnosheniy grazhdan i

militsii. [Improvement of relations between citizens and militia. Scientific report]. Moscow, 2001.

3. Rossiyskaya akademiya nauk, reforma, vorovstvo, korruptsiya. [Russian Academy of Sciences, reform, theft, corruption]. *Moskovskiy Komsomolets – Moscow Komsomolets*, 2013, July 01.

4. Tezisy vystupleniya P.V. Krashenninnikova na Parlamentskikh slushaniyakh «Aktualnye voprosy ugovolnogo zakonodatelstva». [Speaking notes of the lecture by P.V. Krashenninnikov at the Parliament hearings «Relevant issues of the criminal law»]. Available at: <http://old.alrf.ru/publication/2009/12article998/> (date of submission: 01.02.2014.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Васильевич Лунеев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии РФ, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия); e-mail: luneevvv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Viktor Vasilievich Luneev – honoured scientist of the Russian Federation, doctor of Laws, professor, laureate of the State Prize of the Russian Federation, chief research scientist of the department of criminal law and criminology at Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: luneevvv@yandex.ru

Примеры оформления материалов пристатейного списка литературы

Статья из журнала:

Харламов В.С. Старшее поколение и внутрисемейное насилие в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27). С. 60–63.

Монография:

Дикаев С.У. Террор, терроризм, преступления террористического характера. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 464 с.

Автореферат:

Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 60 с.

Диссертация:

Шестаков Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений: дис. ...докт. юрид. наук. Л., 1986. 46 с.

Интернет-документы:

Талькова Т. Убийство // Сайт памяти Игоря Талькова. URL: <http://www.talkov.su/murder.php> (дата обращения: 25.11.2012).

Данилов А.П. Родолюбие спасёт мир // Сайт «Crimpravo.ru». URL: <http://crimpravo.ru/blog/1800.html> (дата обращения: 25.11.2012).

Книга без ответственного редактора:

Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М., 2001. 200 с.

Книга с ответственным редактором:

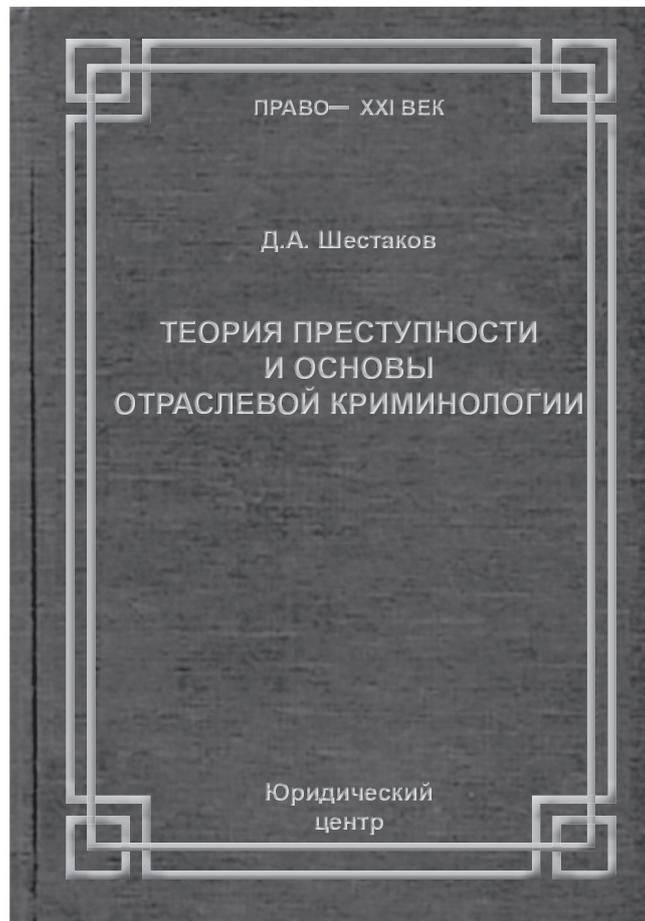
Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 800 с.

Статья в газете:

Фалалеев М. «Стоп» маршрутке // Российская газета. – 2012. – 10 октября.

**Д.А. Шестаков. ТЕОРИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
И ОСНОВЫ ОТРАСЛЕВОЙ КРИМИНОЛОГИИ.
ИЗБРАННОЕ.**

Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр», 2015. 432 с.

В настоящее собрание вошли фрагменты из ранее опубликованных Д.А. Шестаковым книг: «Криминология» и «Семейная криминология», а также его переработанные и дополненные: «Преступность политики», «Введение в криминологию закона» и «Суждения о преступности и вокруг неё».

Полезна для всех, интересующихся проблемами преступности. Особую ценность она представляет для студентов и преподавателей криминологии.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**Д.А. Шестаков. ОТ ПРЕСТУПНОЙ ЛЮБВИ
ДО ПРЕСТУПНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.**
Санкт-Петербург, Издательский дом «АЛЕФ-ПРЕСС», 2015. 292 с.

ШЕСТАКОВ
Дмитрий Анатольевич

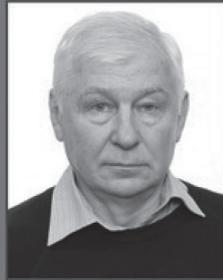
Д.А. Шестаков

Криминолог Дмитрий Анатольевич Шестаков, родился в северной столице России 2 января 1949 года.
Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.
Два года после окончания университета трудился следователем прокуратуры. С 1976 по 2001 годы — в Санкт-Петербургском государственном университете, затем — в Российском государственном педагогическом университете и одновременно (до 2012 г.) в Санкт-Петербургском университете МВД.
В девяностых — начале двухтысячных годов совмещал работу в вузе с адвокатской деятельностью.
От предлагаемых административных должностей неизменно отказывается.
В соавторстве с братом, Анатолием Анатольевичем Шестаковым, издал девятитомное собрание художественной прозы.

**ОТ ПРЕСТУПНОЙ ЛЮБВИ
ДО ПРЕСТУПНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Статьи по криминологии, интервью

Д.А. ШЕСТАКОВ
От преступной любви до преступного законодательства

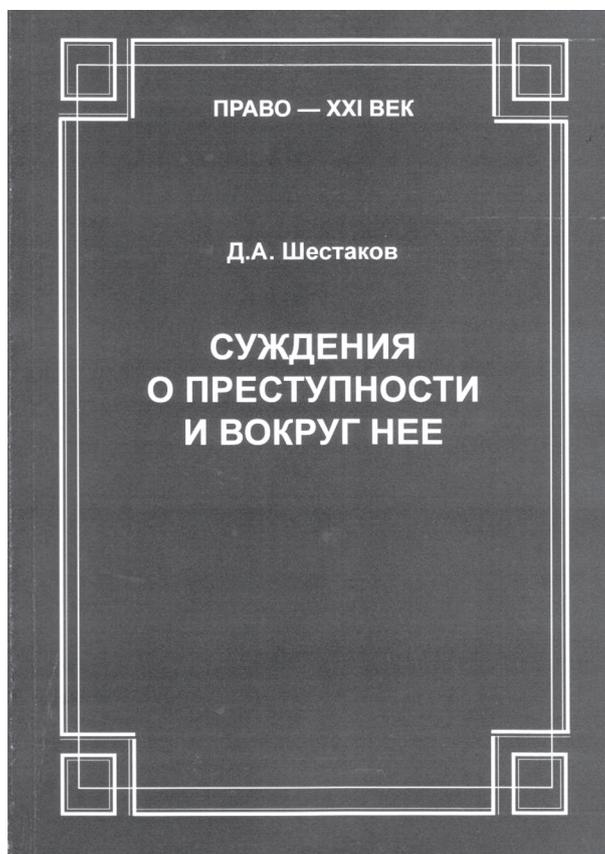

В сборник вошли те из преступноведческих статей, которые, как полагает автор, несколько дополняют и оттеняют его недавнюю книгу «Теория преступности и отраслевая криминология. Избранное».

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**Д.А. Шестаков. СУЖДЕНИЯ О ПРЕСТУПНОСТИ
И ВОКРУГ НЕЁ.**

Монография. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. 84 с.

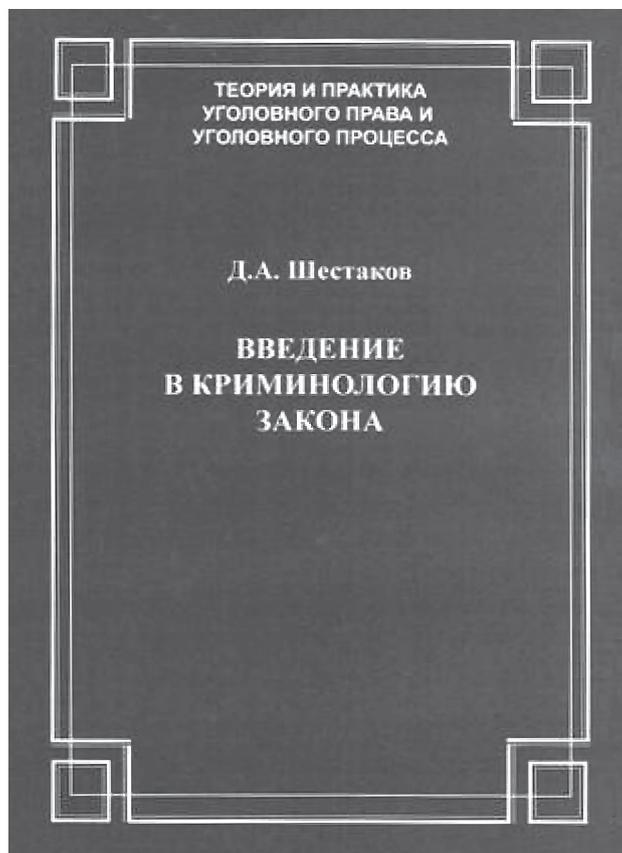

Небольшая по объёму, но ёмкая по содержанию книга президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба содержит избранные из его теоретических положений по общей, частной, а также отраслевой криминологии. Отличается остротой постановки вопросов и новаторством. Полезна для всех, интересующихся проблемами преступности. Особую ценность она представляет для преподавателей криминологии.

Служит подспорьем для желающих ознакомиться с основами школы преступных подсистем, выступить в клубе, обнародовать статью в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

Д.А. Шестаков. ВВЕДЕНИЕ В КРИМИНОЛОГИЮ ЗАКОНА.
2-е изд., испр. и доп. / Предисл. докт. юрид. наук Г.Н. Горшенкова.
СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. 92 с.

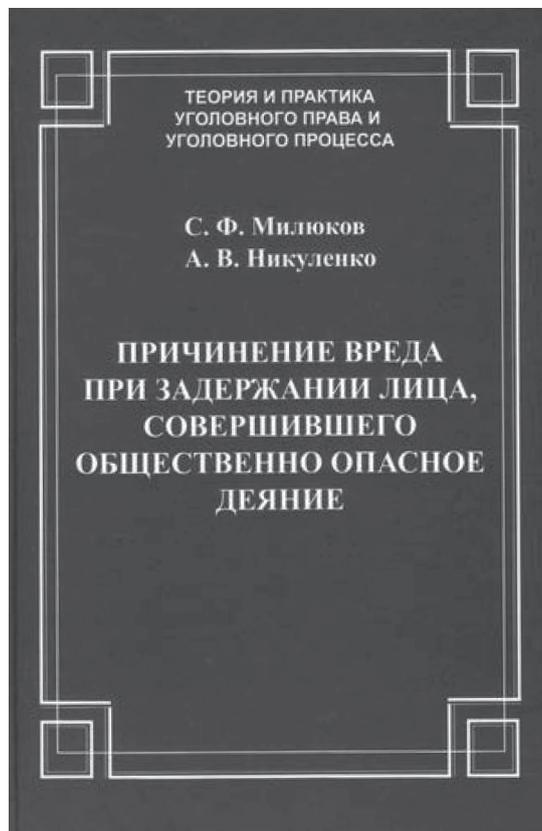

В работе изложены теоретические основы криминологии закона – финальной отрасли невско-волжской научной школы преступных подсистем. Формулируется криминологический подход к понятию преступления, анализируется парадокс преступности закона, предлагается парадигма функций уголовной ответственности, даётся понятие и систематизация криминологического законодательства.

Для преподавателей и студентов высших и средних учебных заведений юридического профиля, практических работников правоохранительных и государственных органов.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**С.Ф. Милюков, А.В. Никуленко. ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА
ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА,
СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ.
СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. 560 с.**

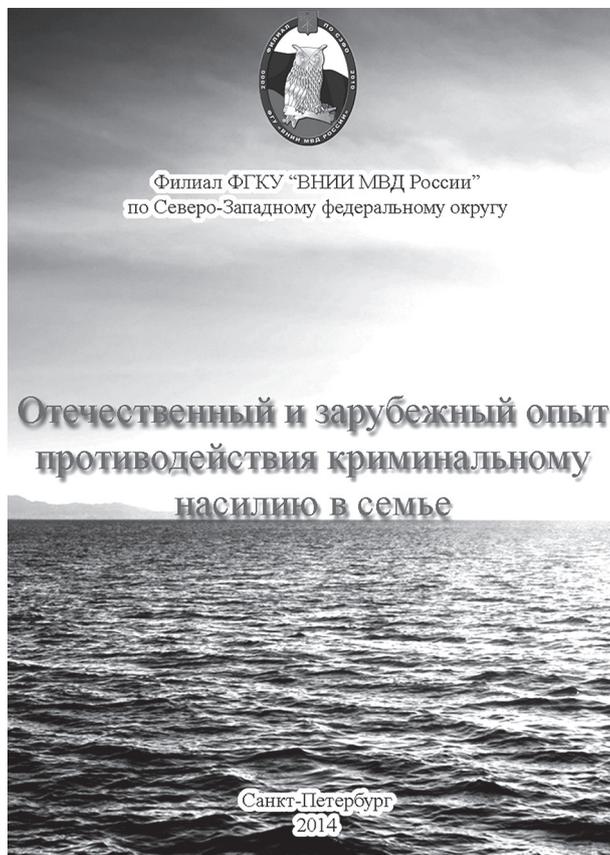
В работе детально исследуется институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, как самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния. На основе анализа действующего отечественного и зарубежного уголовного и иного законодательства раскрываются особенности данного уголовно-правового института в законодательной и правоприменительной практике. Подробно раскрываются основания и условия правомерности причинения вреда (в том числе путём применения оружия) при задержании лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние. Рассмотрены также иные обстоятельства, исключающие преступность деяния, как содержащиеся в действующем УК РФ, так и не получившие пока законодательного закрепления. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного и иного законодательства, регламентирующего затрагиваемые в книге вопросы.

Работа рассчитана на преподавателей и студентов высших и средних образовательных учреждений юридического профиля, практических работников правоохранительных, судебных и контролирующих государственных органов, юристов, а также широкий круг читателей, озабоченных состоянием правопорядка в России.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

В.С. Харламов. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОМУ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ.

Монография. СПб., 2014. 398 с.

Монография вышла в свет в Международный год семьи (2014).

Рассмотрены историко-правовые аспекты криминального насилия в семье в России и зарубежных странах. Представлены сравнительный анализ состояния, структуры и динамики внутрисемейных насильственных преступлений в различных регионах России, демографическая характеристика жертв насильственных преступлений в семье и лиц, их совершивших.

Существенное место в книге занимают концептуальные основы противодействия преступному семейному насилию. Отражена специфика международно-правовой защиты от криминального насилия в семье. Подробно рассмотрена роль органов правопорядка в противодействии данным преступлениям.

Издание адресовано работникам органов внутренних дел, учёным, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами противодействия насильственным преступлениям в семье.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

А.П. Данилов. КРИМИНОЛОГИЯ: РОССИЯ И МИР.
Санкт-Петербург, ЗАО «Полиграфическое предприятие № 3», 2018. 332 с.

ОТ АВТОРА:

«Давайте вернёмся к истокам. Вновь осознаем принадлежность к великому народу, его культуре, земле, станем почитать родителей, любить Родину. Понимая творящееся зло, не оставайтесь сторонними наблюдателями, противодействуйте ему, пусть даже у Вас для этого не так много возможностей».

КРИМИНОЛОГИЯ: РОССИЯ И МИР

А.П. ДАНИЛОВ

А.П. ДАНИЛОВ

КРИМИНОЛОГИЯ:
РОССИЯ И МИР

В книге собраны основные научные труды А.П. Данилова, сгруппированные по разделам, соответствующим различным отраслям криминологии: политической, экономической, криминологии закона, здравоохранения, искусства и пр.

Данная книга будет полезна криминологам, политологам, правоведам, а также всем неравнодушным к судьбе России читателям.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**КРИМИНОЛОГИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Журнал Санкт-Петербургского
международного
криминологического клуба

№ 2 (49), 2018

Формат 60x84/8. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,6.
Тираж 1050 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Трувор».
199106, Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., д. 83, офис 336
тел./факс: (812) 449-3917
e-mail: 4493917@inbox.ru